

У 409
435

408

КАКЪ УЧИТСЯ МОЛОДЕЖЬ

ВЪ ПАРИЖѢ

СТУДЕНКА

ПАРИЖСКАГО МЕДИЦИНСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

СОФЬЯ КАРАСТЕЛЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

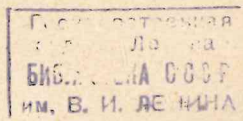

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, д. 13

1905

Доволено цензурою 23 июня 1905 г. С.-Петербургъ.

04852-46

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОИМЪ ТОВАРИЩАМЪ

РУССКИМЪ СТУДЕНТАМЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Quel doit être l'objet du gouvernement, sinon d'obliger au travail tous les individus de l'Etat. (Carnot: Eloge de Vauban.)

Уже давно наши университеты давали людей полу-образованныхъ, негодныхъ ни для какой полезной дѣятельности.

Это несоотвѣтствіе задачъ университета съ достигаемыми результатами довело Россію до печальнаго состоянія.

Полуобразованная интеллигенція породила и долго культивировала бюрократію.

Но если бюрократія есть продуктъ университетовъ, въ которыхъ все-таки учились кое-какъ и кое-чему, то что же намъ дадутъ университеты, въ которыхъ совсѣмъ перестали учиться?

Быть можетъ, это отвращеніе къ наукѣ было вызвано волненіемъ умовъ, достигшимъ апогея? Но что же ждетъ насъ дальше?

Будетъ ли продолжаться увлеченіе политикой среди нашей молодежи? Будетъ ли положенъ конецъ этому болѣзненному явленію?

Вопросы эти не могутъ не наводить на тяжелыя размышленія всякаго, кому дороги интересы и будущее Россіи.

Какихъ работниковъ дадутъ странѣ эти такъ дорого стоящіе университеты, если интересъ къ политикѣ заглушитъ интересъ къ наукѣ?

На что странѣ, не имѣющей даже первоначальнаго всеобщаго обученія, эти необразованные, отвыкшіе отъ работы, люди?

Позволяю себѣ предложить вниманію читателей свой скромный трудъ.

Въ немъ изложенъ университетскій режимъ современной Франціи въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ довелось съ нимъ ознакомиться.

Система эта даетъ блестящіе результаты въ странѣ свободы. Но, благодаря ей, студенты поставлены въ полную невозможность вмѣшиваться въ политику государства и принимать участіе въ борьбѣ партій.

Она одна только можетъ оздоровить наши университеты.

И только при такой системѣ университеты наши будутъ въ состояніи дать странѣ то, для чего они были созданы, т. е.—людей дѣйствительно

образованныхъ и подготовленныхъ къ
полезной дѣятельности.

Надо надѣяться, что мудрая си-
стема, заимствованная у самаго сво-
боднаго народа, поможетъ скорѣй-
шему отрезвленію нашей молодежи.

КАКЪ УЧИТСЯ МОЛОДЕЖЬ ВЪ ПАРИЖѢ.

I.

Que me font, après tout, les
vulgaires abois
De tous les charlatans qui
donnent de la voix.
Les marchands de pathos et les
faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent
sur la phrase.
Si mon vers est trop cru, si ma
bouche est sans frein,
C'est qu'il sonne aujourd'hui
dans un siècle d'airain.

Aug. Barbier.

Въ виду того, что происходитъ те-
перь въ нашихъ университетахъ, и
въ виду все болѣе и болѣе усиливаю-
щагося среди студентовъ стремленія
активно заняться политикой и фик-

тивно наукой, мнѣ хочется подѣлиться съ русскимъ обществомъ моимъ знаніемъ заграничныхъ университетовъ и тѣмъ опытомъ, который я вынесла изъ четырехлѣтняго пребыванія во Франціи.

Будучи студенткой Парижскаго медицинскаго факультета, я близко знакома съ бытомъ французскихъ университетовъ, и полагаю, что и русской публикѣ, и русскимъ студентамъ въ особенности, не лишнимъ будетъ узнать, въ какой обстановкѣ и при какихъ условіяхъ приходится работать студентамъ во Франціи, странѣ свободы.

Пріѣхавъ въ Россію, я была глубоко поражена тѣмъ, что русскіе студенты не желаютъ учиться; еще бо меня поразило малое знакомство съ Западомъ, которому наша молодежь стремится рабски подражать. Жаль, что у насъ существуютъ такія превратныя понятія о заграничной свободѣ и о свободѣ вообще, которую у насъ принято смѣшивать съ какой-то дикой распущенностью и съ полнѣйшимъ забвеніемъ своего долга передъ

отечествомъ и народомъ (о служеніи которому между тѣмъ такъ много говорятъ).

Въ настоящее время, когда всѣ охвачены однимъ желаніемъ устроить все на западный образецъ, мнѣ кажется, что русскому обществу интересно будетъ узнать, какъ поставлено дѣло высшаго образованія во Франціи. Въ печати и обществѣ много разъ поднимался вопросъ: какія мѣры слѣдуетъ принять для устранения безобразій, ареной которыхъ сдѣлались наши университеты. Одни видѣли причины упадка нашихъ университетовъ въ отсутствіи академической свободы, въ назначеніи профессоромъ правительствомъ, а не коллегіей товарищей, другіе—въ отсутствіи талантливыхъ профессоромъ, способныхъ заинтересовать наукой г.г. студентовъ.

Находились даже такіе, которые видѣли причины этого упадка въ недостаточности профессорскаго жалованія!

Мнѣ кажется, что все, что предлагаютъ авторы различныхъ проектовъ приведенія нашихъ университетовъ въ нормальный видъ для того, чтобы сту-

денты наши стали наконецъ заниматься наукой, чтобы они вспомнили, что «бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ», не приведетъ къ желаннымъ результатамъ.

И единственное, мнѣ кажется, что могло бы внести порядокъ въ наши университеты, оздоровить ихъ,—это французская система. Вѣдь, благодаря ей, только ей одной—въ странѣ свободы, разрываемой непримиримыми партіями, борющимися за власть, университеты остаются храмами науки, гдѣ можно работать и гдѣ работаютъ. Благодаря этой системѣ, молодые люди, не отвлекаясь ничѣмъ, могутъ посвящать всѣ свои силы избранному дѣлу и, благодаря ей, страна получаетъ въ лицѣ окончившихъ университеты и получившихъ различные дипломы людей образованныхъ, интересующихся своимъ дѣломъ, серьезно къ нему относящихся, любящихъ его и способныхъ внести въ него различныя улучшения.

Врядъ ли кто станетъ отрицать блестящіе результаты, которыхъ достигли французскіе университеты. Разумѣется, людямъ, поступающимъ въ

университеты для препровожденія времени и смотрящимъ на свое пребываніе тамъ какъ на барщину, какъ на тяжелую необходимость, связанную съ полученіемъ диплома,—тамъ нѣтъ мѣста. Такіе люди не смогутъ примириться съ французскимъ режимомъ и подчиниться его порядкамъ, и такихъ людей не потерпятъ во французскихъ университетахъ. Но развѣ для нихъ создаются высшія учебныя заведенія въ какой бы то ни было странѣ? Университетскій дипломъ во Франціи—это результатъ долгаго, упорнаго труда; онъ даетъ извѣстныя права и позволяетъ отличить наиболѣе способныхъ, талантливыхъ и трудолюбивыхъ, и даетъ возможность правительству выбирать и съ пользой употреблять подходящихъ людей на подходящія должности. Это не символъ четырехлѣтняго безцѣльнаго пребыванія въ университетѣ.

Вѣдь нельзя же назвать цѣлесообразнымъ 4-хъ-лѣтнее пребываніе въ стѣнахъ университета, посвященное занятіямъ, ничего общаго съ наукой неимѣющимъ!

Французскіе университеты посѣщаютъ: 1) вольнослушатели и 2) студенты. Первые могутъ посѣщать какія угодно лекціи—*cours publics*, заниматься чѣмъ угодно и дѣлать что имъ вздумается. Они не допускаются на лекціи, читаемыя для студентовъ, на практическія занятія и работы; не имѣютъ права держать экзамены и не получаютъ никакихъ дипломовъ. Студенты же наоборотъ—должны подчиняться правиламъ, посѣщать обязательные курсы и работы, а для *cours publics* часто и времени не имѣютъ. Они одни имѣютъ право держать экзамены и получать дипломы. Желаніе быть допущеннымъ къ экзамену вызываетъ обязательное и безпрекословное подчиненіе университетскому режиму: порядкамъ, выработаннымъ для того, чтобы занятія студента были наиболѣе успѣшными и работа его наиболѣе плодотворной. Никакого отступленія отъ этихъ порядковъ, разъ навсегда заведенныхъ и строго охраняющихся, никакой собственной инициативы въ подготовкѣ къ тому или другому экзамену, никакихъ разсужденій не до-

пускается. И нежелающіе подчиниться этому режиму, несоблюдающіе обязательныхъ постановленій выбрасываются, какъ ненужный балластъ, способный лишь тормозить дѣло и мѣшать остальнымъ.

Вольнослушатели не нуждаются ни въ какихъ дипломахъ для посѣщенія *cours publics*, единственнаго мѣста, куда ихъ допускаютъ. Отъ нихъ не требуютъ никакой карточки и надъ ними нѣтъ контроля. Но за то они нигде не могутъ проникнуть дальше этихъ *cours publics*. Наоборотъ, желающіе работать серьезно должны имѣть различные дипломы для поступленія въ университетъ, должны подчиняться всѣмъ правиламъ, выработаннымъ французскимъ режимомъ,—и этимъ самымъ поставлены въ полную невозможность посвящать свои силы чемунибудь другому, кромѣ избранныхъ отраслей науки. Этими послѣдними, т. е. настоящими студентами, и займусь я.

Огромное большинство вольнослушателей въ Сорбоннѣ и *College de France* состоитъ: изъ нарядной толпы дамъ и дѣвицъ, посѣщающей *cours*

publics разныхъ модныхъ профессоровъ; — стариковъ, старухъ, не знающихъ куда дѣться и спокойно дремлющихъ во время лекцій (всѣ cours publics даровые и всякій туда можетъ попасть); изъ косматыхъ и иныхъ иностранцевъ; изъ людей, интересующихся тѣмъ или инымъ вопросомъ, но не имѣющихъ времени или возможности поступить въ университетъ, — словомъ, изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ.

Студенты же могутъ и не посѣщать этихъ cours publics. Вѣдь эти же профессоры читаютъ имъ отдѣльные cours, спеціально для нихъ предназначенные, и отсутствовать на которыхъ не полагается.

Для поступления въ университетъ требуется, смотря по факультетамъ, Certificat de Baccalauréat Classique (дипломъ, равнозначачій нашему аттестату зрѣлости; кромѣ латинскаго и греческаго, требуется еще два новыхъ языка) или Certificat de Sciences Physiques. Это дипломы среднихъ учебныхъ заведеній. Для поступления на медицинскій факультетъ требуется,

кромѣ Certificat de Baccalauréat Classique, еще и университетскій дипломъ, т. е. или 4 licences по естественнымъ наукамъ, или Certificat des Etudes Physiques, Chimiques et Naturelles (PCN выражаясь сокращенно). Дипломы эти выдаются лишь выдержавшимъ экзаменъ, т. е. предварительно прослушавшимъ всѣ обязательные курсы и продѣлавшимъ всѣ обязательныя практическія работы. Первый изъ этихъ дипломовъ, т. е. 4 licences, можно получить на естественномъ факультетѣ въ Сорбоннѣ, второй — на отдѣленіи естественнаго факультета, предназначеннаго для кандидатовъ на медицинскій. Лицамъ, не имѣющимъ этихъ дипломовъ, закрыть доступъ на медицинскій факультетъ.

Для иностранцевъ допускается снисхожденіе: имѣющимъ гимназическіе или институтскіе дипломы съ обязательнымъ дополненіемъ въ видѣ свидѣтельства о выдержанномъ экзаменѣ по латинскому языку — выдаютъ equivalence, замѣняющую Certificat de Baccalauréat Classique. Но университетскій дипломъ долженъ быть непременно французскій.

Несмотря на то, что иностранный дипломъ средняго учебнаго заведенія не служитъ препятствіемъ для поступленія во французскій университетъ, имѣющіе его и получившіе вмѣсто него *equivalence* все же подвергаются ограниченіямъ. Такъ, по окончаніи медицинскаго факультета, имъ выдается только университетскій дипломъ, не связанный ни съ какими правами. Государственный выдается только тѣмъ изъ иностранцевъ, которые передъ поступленіемъ въ университетъ выдержали экзамень и получили *Certificat de Baccalauréat Classique*. Только государственный дипломъ даетъ право доктору заниматься практикой, университетскій же дипломъ есть только *titre honorifique*. Изъ этой разницы при выдачѣ дипломовъ видно, насколько подозрительно относятся французы къ иностранному образованію.

Насколько они правы по отношенію къ русскимъ — предоставляю судить каждому.

Передъ началомъ занятій въ секретаріатѣ, откуда выдаютъ студенческія карточки, студенту вручаютъ нѣ-

сколько листовъ одинаковаго содержанія, и усиленно рекомендуютъ внимательно ихъ прочесть и руководствоваться всѣмъ, въ нихъ изложеннымъ. Листки эти, печатаемые въ тысячахъ экземпляровъ, выдаются каждому, вновь поступающему въ святилище науки, вмѣстѣ съ студенческой карточкой для того, чтобы онъ могъ знать свои обязанности. Выдаютъ ихъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, находя вѣроятно чтеніе это весьма поучительнымъ. Я получила ихъ 4 или 5, и одинъ изъ нихъ случайно уцѣлѣлъ.

II.

Позволю себѣ привести цѣликомъ этотъ регламентъ.

Естественный факультетъ Парижскаго университета.

Правила, необходимыя для обезпеченія работы и прилежанія студентовъ.

Статья 1. Никто не можетъ войти въ амфитеатры, лабораторіи, залы для занятій, если при немъ нѣтъ студенческой карточки.

*

Эта карточка должна быть предъявлена при каждом требовании членам и агентам (служителям) факультета.

Статья 2. Главный входъ, входы въ амфитеатры будутъ открыты за $\frac{1}{4}$ часа до начала лекцій, означеннаго на афишахъ, входы въ лабораторіи—только за 5 минутъ до начала работъ. Входы будутъ строго заперты въ часъ, обозначенный на афишѣ, какъ начало лекцій или практическихъ работъ. По окончаніи лекціи студенты должны немедленно покинуть зданіе университета, за исключеніемъ тѣхъ, которые должны присутствовать на второй лекціи въ то же утро. Эти послѣдніе ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ выйти изъ зданія университета въ промежуткѣ между двумя лекціями. Они могутъ выходить только въ курительную комнату или залъ для занятій.

Статья 3. По окончаніи каждой лекціи профессоръ укажетъ одну или нѣсколько серій, взятыхъ наудачу, которыя должны предъ уходомъ изъ амфитеатра передать служителю свои

тетради съ замѣтками. Эти тетради будутъ просмотрѣны профессоромъ и служатъ контролемъ ихъ присутствія. Чтобы облегчить этотъ контроль и провѣрку тетрадей профессорамъ, студенты приглашаются обзавестись тетрадями одного и того же образца, установленнаго администраціей. Каждая тетрадь должна носить № студенческой карточки и № серіи студента.

Статья 4. На тетради съ замѣтками при каждомъ контролѣ будетъ выставлена профессоромъ отмѣтка. На отмѣтки эти будетъ обращено соответственное вниманіе при экзаменѣ въ концѣ года.

Статья 5. Каждый разъ по окончаніи практическихъ работъ студенты должны сложить предметы и аппараты, которые были имъ ввѣрены и за которые они отвѣчаютъ. Студенты должны каждый разъ представлять препаратору для провѣрки всѣ эти предметы и аппараты.

Статья 6. Каждый разъ на практическихъ работахъ студентамъ будутъ выставляться отмѣтки или за отвѣты на заданные вопросы, или за испол-

неніе работъ. На отмѣтки эти будетъ равнымъ образомъ обращено вниманіе при экзаменѣ въ концѣ года, согласно со статьей 4 постановленія отъ 31 декабря 1893 г.

Статья 7. Каждое отсутствіе, ничѣмъ не оправданное, повлечетъ за собою отмѣтку 0. Черезчуръ большое количество отсутствій, ничѣмъ не оправданныхъ или недостаточно оправданныхъ, повлечетъ за собой наказанія, предусмотрѣнныя декретомъ 30 іюля 1883 г. Отмѣтки, полученныя студентомъ за отвѣты на заданные вопросы или за практическія работы, будутъ сообщены экзаменаторамъ работами декана. Онѣ будутъ вліять на результатъ экзамена.

Выдержка

изъ декрета 30 іюля 1883 г., устанавливающаго режимъ курсовъ въ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Article 13. Каждый студентъ, который будетъ присутствовать на лекціи, долженъ при первомъ требованіи профессора, декана или директора,

сдѣланномъ лично или черезъ посредство ихъ агентовъ, предъявить свою студенческую карточку.

Article 5. Каждый студентъ, который одолжитъ кому-нибудь свою студенческую карточку, подвергается потерѣ одной или четырехъ инскрипцій (запись на лекцію берется за каждую четверть года).

Если онъ имѣетъ уже всѣ требуемыя записи, его не допустятъ до экзаменовъ, которые ему осталось выдержать на время, не превышающее одного года.

Наказанія въ этихъ различныхъ случаяхъ будутъ произнесены безповоротно школой или факультетомъ, къ которому принадлежитъ студентъ.

На обратной сторонѣ помѣщены адреса поставщиковъ, у которыхъ можно достать тетради требуемаго администраціей типа. И внизу примѣчаніе: «Студентъ долженъ имѣть отдѣльную тетрадь для замѣтокъ по каждому предмету. Онъ долженъ позаботиться, чтобы его тетради были отмѣчены № его студенческой карточки и штемпелемъ факультета.

«Обращаться за нимъ: 12 улица Кювье. Тетрадь, не носящая № карточки и не отмѣченная штампелемъ факультета, будетъ строго отвергаема профессорами.»

Что скажутъ наши студенты?

Какъ понравятся эти правила нашимъ свободолюбивымъ Митрофанушкамъ? У насъ мечтаютъ о подражаніи Западу. Мы воображали себѣ этотъ Западъ царствомъ свободы. За шумомъ газетъ, за криками ораторовъ крайнихъ партій, мы не замѣчаемъ, мы не знаемъ трудолюбиваго, работающаго, учащагося Запада. Тѣ изъ русскихъ, которые попадаютъ за границу, прежде всего изъ любопытства набрасываются на разныя заграничныя изданія, запрещенныя въ Россіи, съ упоеніемъ посѣщаютъ различные митинги, гдѣ много, безконечно много говорятъ все, что въ голову взбредетъ (особенно если ораторы, такъ называемые русскіе, — Иудинаго колѣна, — или говорятъ о Россіи). На этихъ политическихъ митингахъ, какая бы пар-

тія ихъ впрочемъ ни собирала, не стѣсняются въ выраженіяхъ.

Получается полное впечатлѣніе свободы, той разнузданной свободы, которая такъ мила русскому сердцу. Восхищенный иностранецъ не замѣчаетъ полицейскаго комиссара, съ равнодушіемъ истиннаго философа внимающаго самымъ зажигательнымъ рѣчамъ и отборнѣйшей ругани. Онъ не знаетъ, этотъ наивный иностранецъ, что полиція строго слѣдитъ, чтобы ораторы не перешли отъ словъ къ дѣлу. А полиція, какъ и все за границей, стоитъ на высотѣ призванія. Иногда на помощь ей призываются солидныя военныя силы. Граждане, наговорившись и наслушавшись власть, мирно и спокойно возвращаются къ своимъ занятіямъ, своему труду, своимъ обязанностямъ, а изъ резолюцій, протестовъ и постановленій по большей части такъ ничего и не выходитъ. Но вѣдь это вопросъ второстепенный, для иностранца въ особенности. Затѣмъ весело проживаются привезенныя изъ Россіи деньги, и то, чего дома хватило бы на три мѣсяца,

проживается здѣсь въ три недѣли. Получается впечатлѣніе веселой, легкой, спокойной жизни, красиво и удобно устроенной.

Но то, на какихъ условіяхъ устроена жизнь за границей, что интересуетъ этихъ людей, превосходство которыхъ мы всѣ признаемъ (да и возможно ли его отрицать?), какъ они работаютъ, какъ учатся, какъ относятся къ своему дѣлу, какъ воспитываютъ, что внушаютъ своимъ дѣтямъ,—все это не интересуетъ россиянъ за границей.

Мы всѣ признаемъ превосходство Запада надъ собой, но не хотимъ видѣть, не хотимъ понять, благодаря чему создалось это превосходство. Есть люди, старающіеся насъ увѣрить, что превосходство это есть плодъ иного политическаго устройства.

Но вѣдь и тогда, когда западныя страны не имѣли теперешняго парламентскаго режима,—и тогда плелись мы въ хвостѣ Европы. Полно, одна ли конституція въ состояніи насъ спасти и обратить въ людей цивилизованныхъ?

Какой прогрессъ ожидаетъ страну, гдѣ никто не хочетъ учиться, гдѣ никто не хочетъ заниматься своимъ дѣломъ, гдѣ никто не хочетъ знать своихъ обязанностей по отношенію къ самому себѣ, своему народу, своему отечеству? Кто изъ русскихъ серьезно относился къ своимъ обязанностямъ, интересовался своимъ дѣломъ, прилагая всѣ усилія, чтобы оно шло лучше и успѣшнѣе? И не въ этомъ ли секретъ всѣхъ нашихъ неудачъ? Манія судить обо всемъ—выше сапога—давно уже была нашей національной болѣзнью, а свое дѣло никогда никого не интересовало.

III.

Итакъ мы видимъ, какимъ правиламъ подчинены во Франціи молодые люди, поступающіе въ университеты. Конечно, у насъ свободолюбивые юноши съ негодованіемъ отвергли бы такое покушеніе на ихъ «права» и прерогативы. Правила эти были бы сочтены притѣсненіями и издѣвательствомъ надъ человѣческой «личностью». Ко-

нечно, забастовки и обструкціи были бы отвѣтомъ на эту систему, не мѣшающую никому учиться во Франціи. Посмотримъ теперь, какъ система эта примѣняется на дѣлѣ: вѣдь это важнѣе всего. Я прошу извиненія у читателей, что мнѣ много придется говорить о себѣ. Но въ концѣ-концовъ это даже забавно—всѣ эти столкновения дикой варварки со строгой системой культурной страны.

Получивши студенческую карточку и листки съ обязательными постановленіями, я отправилась въ отдѣленіе естественнаго факультета, предназначенное для кандидатовъ на медицинскій, гдѣ мнѣ предстояло слушать лекцію по физикѣ, химіи, зоологіи и ботаникѣ. *Surveillant* (смотритель), встрѣтившій меня, несмотря на предъявленную карточку, дальше вестибюля (гдѣ я могла прочесть росписаніе лекцій и практическихъ работъ) меня не пустилъ, потому что появилась я въ неурочное время, когда лекціи уже кончились, а практическія работы еще не начинались. Онъ помѣтилъ мои тетради № моей студенческой карточ-

ки и штемпелемъ факультета, сообщилъ мнѣ, какія книги нужно было купить. Это были *traités*, написанные тѣми профессорами, которые читали намъ свои лекціи, и посоветовала мнѣ не опаздывать на другой день, потому что ровно въ 9 часовъ входъ въ университетъ уже закрытъ для студентовъ.

Нужно ли говорить, что на другой день, задолго до 9 часовъ, я была уже передъ дверями университета. Привратникъ, открывшій мнѣ ихъ, сказалъ, что двери открываются лишь за $\frac{1}{4}$ часа до начала лекцій, что должно было быть мнѣ извѣстно изъ регламента, а пока мнѣ было предоставлено, по моему выбору, стоять на улицѣ передъ дверями, которыя могутъ впустить студента лишь въ назначенный часъ, или гулять по *Jardin des Plantes*, который находился какъ разъ противъ зданія факультета. Къ 8 $\frac{1}{2}$ часамъ передъ дверями была уже огромная толпа студентовъ, терпѣливо ждавшая желанной минуты, когда двери распахнутся.

Привычная картина для рѣдкихъ прохожихъ улицы Кювье: эта огром-

ная толпа студентовъ съ портфелями подъ мышкою и зонтиками въ рукахъ, ожидающая открытія дверей нерѣдко подъ проливнымъ дождемъ, столь частымъ въ Парижѣ. Никогда не слышала я никакой критики, никакого протеста противъ администраціи, столь жестоко оставляющей мокнуть жаждущихъ просвѣщенія (даже навѣса не было передъ дверями). Да, впрочемъ, кто же и виноватъ въ этомъ, какъ не сами студенты? Въ правилахъ вѣдь сказано, что входъ будетъ открытъ за $\frac{1}{4}$ часа до начала лекцій!

Всѣ студенты были раздѣлены на главные серіи: серія четныхъ и серія нечетныхъ нумеровъ. Для каждой серіи былъ отдѣльный амфитеатръ (мѣсто, гдѣ профессоръ читаетъ лекцію).

У одной серіи были профессорами химіи и физики Пешаръ и Кюри, у другой—Жоанисъ и Поль Жане. Профессора ботаники Дагильонъ и зоологіи Перье были общими для обѣихъ серій. Кромѣ того, каждая серія раздѣлялась на маленькія серіи по 15, 20 человекъ въ каждой, для болѣе удобнаго распредѣленія практическихъ

работъ, для большаго удобства контроля тетрадей и для облегченія канцелярской работы чиновникамъ секретариата. Для нихъ каждый студентъ былъ № такой-то *serim, de la Série paire* или *impaire*. А имъ мы давали много работы! Вступая въ вестибюль, студенты раздѣлялись на 2 колонны четныхъ и нечетныхъ №№. Одни шли налево, другіе направо и подходили къ двумъ столикамъ, за которыми сидѣли *garçon*'ы (служителя), которые отмѣчали въ книгахъ противъ № и фамиліи студента, предъявлявшаго свою карточку — *présent* (присутствуетъ). Отсутствующимъ ставятъ *O=absent*. Забывшихъ свою карточку безъ церемоніи отправляли домой (безъ карточки нельзя проникнуть дальше вестибюля), рекомендуя быть внимательнѣе на слѣдующій разъ. Они также получаютъ нуль.

Никакихъ злоупотребленій быть не можетъ при такой системѣ, такъ какъ студентамъ предстоитъ еще вторичный контроль, заключающійся въ предъявленіи тетрадей профессору.

Книги эти (ихъ было двѣ—одна для четной, другая для нечетной серіи), гдѣ каждый день отмѣчается прибытіе или неприбытіе каждаго студента, каждый день доставляются въ секретаріатъ. Чиновники секретаріата вносятъ въ dossier каждаго студента нули, имъ полученные. Кромѣ того, студентъ долженъ дать объясненіе по поводу каждаго отсутствія. Если онъ не догадался сдѣлать это самъ, то получаетъ на другой же день приглашеніе явиться въ секретаріатъ между 12-ю и часомъ дня для объясненій.

Послѣ этихъ объясненій нуль, внесенный въ dossie, обращается въ синій O = absence justifiée (отсутствіе оправданное) или красный O = absence non justifiée, или insuffisamment justifiée (отсутствіе неоправданное или недостаточно оправданное).

Оправданіемъ въ полученіи нуля служитъ докторское свидѣтельство о болѣзни или же семейныя обстоятельства, — тогда является необходимость представить письмо родныхъ. А французскіе родные такъ же мало похожи на русскихъ, какъ французскіе по-

рядки на русскіе. Только по окончаніи этой церемоніи—предъявленія карточекъ garçon'у, студентовъ допускаютъ въ vestiaire, а оттуда въ амфитеатры.

IV.

Ровно въ 9 часовъ на кафедрѣ появляется профессоръ въ сопровожденіи своего препаратора. Послѣ этого двери въ амфитеатръ закрываются и охраняются двумя служителями, не впускающими никого изъ замѣшканныхъ, но уже находящихся въ стѣнахъ университета. Дѣлается это потому, что французскіе профессора не любятъ, чтобы кто-нибудь входилъ, когда лекція начата; это служитъ способомъ контроля присутствія и не допускаетъ поблажекъ со стороны garçon'a при первомъ контролѣ.

Студенты должны во время лекціи записывать то, что говоритъ профессоръ. По окончаніи лекціи профессоръ пишетъ самъ на доскѣ или отдаетъ garçon'у приказаніе написать № или №№ серій. Студенты означенныхъ серій должны отдать garçon'у

свои тетради съ замѣтками. На другой день при контролѣ карточекъ студенты получаютъ обратно свои тетради съ выставленными на нихъ отмѣтками.

Я не могу выразить, до чего сначала поражала и возмущала меня эта необходимость записывать профессорскія рѣчи и заносить въ тетради всѣ рисунки, которые они чертили на доскѣ! Вѣдь всѣ они, за исключеніемъ одного, издали свои сочиненія. Всѣ студенты ихъ имѣютъ; зачѣмъ же нужно записывать или, вѣрнѣе, переписывать изъ книги эти лекціи, которыя всѣ мы имѣемъ напечатанными?

Я долго не могла понять, зачѣмъ и кому это нужно.

Товарищи, которымъ я сообщила свои недоумѣнія, смѣялись надо мной и отвѣчали мнѣ: «*Dame, c'est le règlement!*» Одинъ изъ ветерановъ, то есть оставшихся на второй годъ, сжался надо мной и объяснилъ мнѣ, что, во-первыхъ, это *moyen de controle*, но это я и сама знала; а во-вторыхъ, что это дѣлается для того, чтобы профессоръ могъ быть увѣренъ, что на

его лекціи студенты занимаются именно тѣмъ, о чемъ онъ имъ говорилъ, а не чѣмъ-нибудь инымъ, и что онъ говорилъ не на вѣтеръ, а передъ внимательной аудиторіей. На мое робкое «Не находители вы, что намъ принесло бы больше пользы, если бы мы просто внимательно слушали»,—французъ отвѣчалъ: «Какая же будетъ гарантія профессору въ томъ, что вы дѣйствительно слушаете, а не думаете о постороннихъ вещахъ, разъ не будетъ этого контроля тетрадей; кромѣ того, профессору мало одного вашего присутствія,—ему еще нужно знать, насколько вы понимаете и воспринимаете то, о чемъ онъ говоритъ, и согласитесь, что эта система великолѣпное средство, чтобы дать возможность судить о способностяхъ и развитіи кандидата и даже о его прилежаніи. Чтобы хорошо записать лекцію, вы должны ее прочесть и понять накануне, тогда и записать ее будетъ легко. Отъ насъ вѣдь не требуютъ буквальной передачи или отрывочныхъ фразъ, но сжатой, точной, толковой передачи сущности, а для этого пред-
*

варительная подготовка необходима. Студентамъ же это приносить только пользу: при такой системѣ лекціи запоминаются гораздо легче, и эта систематическая работа облегчаетъ подготовку къ репетиціямъ сначала, а затѣмъ къ экзамену. Вся наша система направлена къ тому, чтобы облегчить студентамъ эту подготовку. И что стали бы они дѣлать, если бы были предоставлены самимъ себѣ? Какъ могли бы они справиться съ этимъ огромнымъ матеріаломъ безъ системы и дисциплины? Да и если не будетъ этихъ отбѣтокъ, какъ сможетъ профессоръ составить себѣ понятіе о студентѣ, котораго не знаетъ?»

Все это показалось мнѣ довольно убѣдительнымъ, и я старательно стала готовиться къ лекціямъ и записывать ихъ. Но все же замѣтки по химіи никакъ мнѣ не давались, и я рѣшила пойти просить пощады у профессора. Количество нулей и дурныхъ отбѣтокъ на этой тетради приводило меня въ отчаяніе. Я спросила позволенія видѣть профессора послѣ одной лекціи. Смотриеть мнѣ сказалъ, что во-

обще это не принято; что студентамъ не о чемъ говорить съ профессорами; что они не любятъ, чтобы ихъ беспокоили по пустякамъ; но въ видѣ исключенія разрѣшилъ мнѣ это, прибавивъ, что если это что-нибудь, касающееся *réglement*, то беспокоить профессора излишне, такъ какъ весь этотъ *réglement* былъ выработанъ никѣмъ инымъ, какъ тоже профессорами.

Профессоръ принялъ меня въ своей лабораторіи очень любезно; но когда я заговорила о своихъ тетрадяхъ и попросила его, чтобы онъ не требовалъ ихъ хоть нѣкоторое время, пока я научусь записывать лекціи; что я иностранка, что мнѣ очень трудно: онъ очень холодно отвѣтилъ мнѣ, что правила университетскаго режима были выработаны для французовъ и не имѣли въ виду иностранцевъ; что разъ я попала во французскій университетъ, мнѣ нужно подчиняться его порядкамъ, если мнѣ угодно получить въ немъ образованіе. Что самъ онъ исполняетъ предписанія администраціи, отъ которой получаетъ жалованье, и не можетъ ни для кого дѣ-

латъ исключенія. Что разъ не будетъ дисциплины, порядка и строгаго исполненія своихъ обязанностей всѣми членами факультета,—учиться въ университетахъ станетъ невозможнымъ. Затѣмъ онъ прибавилъ, что нужно теперь же, не откладывая въ долгій ящикъ, приобрести привычку записывать, такъ какъ иначе я не смогу заниматься на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ и на лекціяхъ, и въ больницѣ, у постели больного, профессора будутъ говорить много новаго, нигдѣ не напечатаннаго, что тѣмъ не менѣе это нужно будетъ усвоить, и что, не имѣя привычки записывать, я многого не только не буду знать, но даже и понимать, такъ какъ разсчитывать на одну память безразсудно.

Впослѣдствіи я узнала на опытѣ, насколько онъ былъ правъ. Но, благодаря Богу, пребываніе мое на естественномъ факультетѣ не прошло для меня даромъ. Кромѣ знаній, я приобрѣла тамъ много полезныхъ привычекъ и отдѣлалась отъ многихъ дурныхъ. Затѣмъ профессоръ потребовалъ мою тетрадь съ замѣтками и сказалъ

мнѣ, что у меня не только послѣдняя лекція скверно составлена, что могло бы быть еще объяснено моимъ иностраннымъ происхожденіемъ, но что и всѣ предыдущія плохо, неряшливо и бессмысленно записаны, а это можетъ быть объяснено только лѣнью и нежеланіемъ работать, такъ какъ никто не можетъ помѣшать мнѣ дома заняться исправленіемъ, дополненіемъ и приведеніемъ въ порядокъ тетради съ замѣтками; для этого нужно оставлять то тамъ, то тутъ свободное мѣсто.

Я послѣдовала его совѣту, и если никогда не удавалось мнѣ получать хорошихъ отмѣтокъ за тетрадь съ замѣтками по химіи, то по крайней мѣрѣ нули и дурныя отмѣтки исчезли изъ нея навсегда.

У насъ, разумѣется, сочли бы такого профессора строгимъ, бездушнымъ формалистомъ, чиновникомъ, бюрократомъ:—вѣдь это, кажется, самыя обидныя клички? Пожалуй, будь дѣло въ Россіи, студенты сочли бы необходимымъ выразить коллективный протестъ или освистали бы профессора за не-

пониманіе профессорскихъ обязанностей, и постарались бы ему ихъ объяснить. Вѣдь въ Россіи все возможно!

Но за границей вещи понимаются нѣсколько иначе, и разнузданность не признается ни героизмомъ, ни гражданскимъ мужествомъ. Я же лично не могу чувствовать ничего, кромѣ благодарности къ профессору, научившему меня уму-разуму и показавшему мнѣ, какъ нужно работать.

Каждый день у насъ было 2 лекціи отъ 9—11^{1/4} (перерывъ между лекціями ^{1/4} часа) и практическія работы—отъ часу до четырехъ, кромѣ четверга, когда была одна лекція и не было практическихъ работъ.

Лекціи были распределены слѣдующимъ образомъ: въ недѣлю было 4 лекціи по химіи, 3 по физикѣ, 2 по зоологіи и 2 по ботаникѣ. Практическія работы: 2 по химіи, 1 по зоологіи, 1 по ботаникѣ, 1 по физикѣ.

Передъ началомъ практическихъ работъ студентамъ было выдано по 4 колекціи печатныхъ листковъ съ описаніемъ работъ, которыя намъ предстояло сдѣлать по каждому предмету,

и вывѣшено расписаніе, по какому предмету и въ какіе дни назначены работы для каждой маленькой серіи.

Затѣмъ отъ насъ потребовали деньги въ видѣ залога за порчу инструментовъ, которую мы могли произвести. Деньги эти намъ было обѣщано вернуть, если къ концу года все окажется въ исправности, такъ что за порчу инструментовъ отвѣчали всѣ студенты.

Собственно же намъ на руки были сданы только инструменты по химіи, которые мы держали въ отведенныхъ для этого шкапчикахъ. Весь этотъ матеріалъ нужно было сдать въ цѣлости по списку въ концѣ года. Пополнять его, въ виду его хрупкости, приходилось во все время работъ. Но въ это администрація уже не входила.

Каждая маленькая серія, человѣкъ по 15—20, занималась практическими работами въ отдѣльной лабораторіи, подъ руководствомъ отдѣльных препараторовъ. У каждой серіи былъ свой препараторъ по каждому предмету. Войдя въ лабораторію, мы размѣщались по мѣстамъ, которыя были об-

означены нашими №№. На нихъ мы находили заранѣе приготовленные микроскопы, если занятія были по ботаникѣ, блюда съ животными, назначенными для дисекціи по зоологіи, аппараты для работъ и весь матеріаль, назначенный для опытовъ по физикѣ. По химіи мы должны были все сами себѣ приготовить. На своемъ мѣстѣ каждый студентъ неизмѣнно находилъ листокъ бѣлой бумаги съ заголовкомъ факультета, на которомъ онъ обязанъ былъ выставить результаты сдѣланной работы, ея подробное описаніе, ходъ и объяснительные рисунки.

По ботаникѣ мы должны были сдѣлать нѣсколько соурс, окрасить ихъ различными реактивами, рассмотреть въ микроскопъ, сдѣлать нѣсколько рисунковъ и написать объясненіе.

По зоологіи—диссекируя, сдѣлать нѣсколько рисунковъ, представляющихъ различные моменты диссекціи, т. е. нервную, кровеносную и т. д. системы диссекируемаго животного.

По физикѣ—отъ насъ требовали подробнаго описанія опыта, который мы

сами дѣлали, его ходъ, описаніе аппаратовъ и результаты вычисленій.

По химіи—подробный ходъ анализа, провѣрочныя испытанія, полученный результатъ, или, если это было ргération, а не анализъ, то мы продѣлывали требуемые опыты, причемъ даже притирать пробки и носить уголь должны были сами.

Передъ началомъ каждой лекціи препараторъ дѣлалъ переключку, отмѣчалъ отсутствующихъ грознымъ нулемъ, затѣмъ читалъ намъ лекцію о предстоящей работѣ въ теченіе часа или меньше, затѣмъ мы занимались своей работой. Препараторъ обходилъ насъ и слѣдилъ за нею. Къ концу лекцій мы должны были отдать препаратору листки съ результатами работъ. На слѣдующей лекціи мы получали эти листки исправленными и съ выставленными на нихъ отмѣтками. Работами каждаго отдѣла, кромѣ препараторовъ, занимавшихся со своими серіями въ отдѣльныхъ лабораторіяхъ, завѣдывали еще chefs практическихъ работъ и ихъ помощники, которые

обходили всѣ залы, спрашивали студентовъ, слѣдили за ихъ работой.

На эти практическія работы обращено особенное вниманіе, потому что: 1) необходимость производить самому всѣ эти опыты и дать отчетъ въ своей работѣ—расширяетъ кругъ познаній студента, заставляя его знакомиться не только съ теоріей, но и съ примѣненіемъ ея на практикѣ; 2) это въ высшей степени оказываетъ интересъ къ наукѣ, облегчаетъ и освѣщаетъ занятія наукой.

Каждыя двѣ недѣли, а иногда и чаще, вмѣсто работъ по какому-нибудь предмету была репетиція, которая заключалась въ томъ, что преподаватель, послѣ переключки, вызывалъ по очереди каждого студента своей серіи, задавалъ ему по всему прочитанному профессоромъ курсу вопросы и ставилъ отмѣтки.

Всѣ отмѣтки, полученные студентомъ: 1) за тетради, 2) за практическія работы, 3) за репетиціи, 4) нули за отсутствіе—препровожаются въ секретаріатъ, гдѣ ихъ вносятъ въ dossie каждого студента. Dossie это сообщаетъ

ся профессору въ день экзамена и даетъ ему возможность судить о прилежаніи, работѣ и успѣхахъ кандидата.

Итакъ, вотъ какъ проводить время французскій студентъ естественнаго факультета: отъ 9—11^{1/4} лекціи, отъ 1—4 практическія работы. Остальное время нужно употребить на приведеніе въ порядокъ тетрадей, на подготовку къ лекціямъ, къ практическимъ работамъ, къ репетиціямъ. Чего стоятъ одни химическіе анализы, которые нужно дѣлать наизусть! Заглядывать въ книгу дозволялось лишь первыя нѣсколько сеансовъ. Пропускать ни лекцій, ни практическихъ работъ нельзя: вѣдь иначе какъ въ назначенный день и часъ студента ни въ одну лабораторію не пустятъ, и то, что разъ пропущено, погибло навсегда. А это страшно не изъ-за однихъ только нулей. Вдругъ именно эта работа достанется на практическомъ экзаменѣ. А одна теоретическая подготовка не можетъ служить гарантіей успѣха на практическомъ экзаменѣ: нужно всѣ работы продѣлать самому, нужно умѣть

обращаться съ аппаратами и т. д., чтобы добиться желанныхъ результатовъ.

Въ началѣ года мнѣ показалось въ высшей степени заманчивымъ пропускать лекціи по утрамъ для того, чтобы сидѣть дома и зубрить, подготавливаясь къ репетиціямъ. Я послала въ секретаріатъ докторское свидѣтельство о болѣзни, чтобы оправдать свое отсутствіе въ университетѣ на утреннихъ лекціяхъ, и, считая себя въ безопасности, съ жаромъ стала заниматься. Но спокойствіе мое скоро было нарушено. Я стала получать изъ секретаріата каждый день настойчивыя приглашенія явиться туда для объясненій.

Я повиновалась, и въ секретаріатѣ мнѣ объяснили, что, несмотря на докторское свидѣтельство, такъ много пропускать нельзя; что эти пропуски компрометируютъ результатъ моего экзамена и приведутъ къ тому, что мнѣ еще одинъ годъ придется провести на этомъ курсѣ. «Наши профессора,—сказали мнѣ въ секретаріатѣ,—не любятъ, чтобы студенты пропускали лек-

ціи и манкировали своими обязанностями. Разъ правила чего-нибудь требуютъ,—значитъ, это необходимо. Долгая болѣзнь и сопряженные съ нею пропуски вызываютъ необходимость прослушать этотъ курсъ вторично. Если вамъ не нравятся наши правила, зачѣмъ тратить деньги на ученіе, которое не принесетъ вамъ практическихъ результатовъ, такъ какъ, пропуская лекціи, вы можете быть увѣрены, что не выдержите экзамена. Возможность спокойно заниматься по утрамъ исчезла, приходилось посвящать этому часть ночи или вставать въ 5 часовъ утра. Возможно ли при такихъ условіяхъ заниматься чѣмъ-нибудь постороннимъ, въ родѣ политики на примѣръ!

Каждую $\frac{1}{4}$ года отмѣтки заботами администраціи отправляются по почтѣ родителямъ студента или ему самому, если онъ живетъ одинъ.

Еще одно обстоятельство, которое возмутило бы вѣроятно до глубины души нашихъ студентовъ. Ахъ, эти русскіе студенты! Ихъ было нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ со мною на пер-

вомъ курсѣ. Не могу передать, до чего возмущались они французскими порядками, не оправдавшими ихъ надежъ! «И французы дураки, и университеты ихъ хуже русскихъ гимназій, хуже арестантскихъ ротъ; французскіе студенты идиоты, что подчиняются глупымъ правиламъ и не протестуютъ даже! Ничего подобнаго въ Россіи студенты не потерпѣли бы! Неразвиты французскіе студенты до чрезвычайности и способны интересоваться только своими занятіями и своими книгами. Администрація третируетъ взрослыхъ людей какъ школьниковъ! Какъ будто мы сами не понимаемъ, что намъ нужно учиться! Какъ будто мы не учились бы сами безъ этихъ глупыхъ унижительныхъ притѣсненій! Что за издѣвательство эти нули, эти отмѣтки, эти репетиціи! Вѣдь мы взрослые люди, а не школьники!»

Въ отвѣтъ на эти порицанія, высказанныя, разумѣется, въ болѣе вѣжливой формѣ (говоря между своими компатріотами, господа критики не стѣснялись въ выраженіяхъ), французскіе студенты возражали:

«Разъ студентъ хочетъ заниматься и занимается,—контроль, отмѣтки и репетиціи не могутъ помѣшать работать. А разъ студентъ не занимается, тогда это дѣйствительно одни притѣсненія. Но въ университетъ вѣдь за тѣмъ и поступають, чтобы работать. А если кто не хочетъ или не можетъ работать, тогда и поступать въ университетъ не зачѣмъ». Отвѣтъ администраціи кратко: подчиняться или повторить этотъ курсъ. Кончатъ тѣмъ, съ чего слѣдовало бы начать,—это обыкновенная участь большинства русскихъ студентовъ и студентокъ. Вначалѣ они смотрятъ съ презрѣніемъ на правила и пренебрегаютъ ими. Вѣдь такъ интересно пойти на митингъ, гдѣ ораторствуютъ Жоресъ, Пресансе, Вивіани! Такъ необходимо собрать сходку, чтобы рѣшить, кто правъ: Жоресъ или Милльеранъ; какому правительству нужно выразить порицаніе и какому одобрение. Нужно, непременно нужно устроить вечеринку, гдѣ дама будетъ танцовать съ дамой, гдѣ будутъ говорить политическія рѣчи, гдѣ будетъ пѣть доморощенная зна-

менитость русской колоніи. «Нельзя же интересоваться одной наукой — отъ этого можно ступѣть». Результатъ всѣхъ этихъ забавъ и увлеченій — недостатокъ времени для подготовки — даетъ себя чувствовать: эти русскіе студенты тащатся въ хвостѣ всѣхъ, получаютъ плохія отмѣтки, съ трудомъ преодолеваютъ трудности языка и трудности ученія, сидятъ по 3, 4 года на подготовительномъ курсѣ, безчисленное число разъ проваливаются на экзаменѣ, часто бросаютъ ученіе или переходятъ на другой факультетъ. Есть, разумѣется, блестящія исключенія среди русскихъ за границей. Они прекрасно учатся, блестяще сдаютъ экзамены, не только обязательные, но и конкурсные, и на нихъ всѣ смотрятъ съ уваженіемъ. Но это лишь незначительный процентъ.

Но французская система (и въ этомъ немалое ея достоинство) сумѣла обработать даже и такой неблагоприятный матеріалъ, какой представляютъ русскіе студенты: въ концѣ-концовъ они покоряются культурнымъ порядкамъ и начинаютъ заниматься,

какъ могутъ. Иные черезъ 2 мѣсяца, иные черезъ 2 года приходятъ къ тому убѣжденію, что разъ съ администраціей ничего не подѣлаешь, разъ она не въ состояніи понять никакихъ высшихъ соображеній, — нужно покориться ея предписаніямъ. Всѣ они убѣдились и на опытѣ познали, что здѣсь нужно серьезно работать, чтобы добиться чего нибудь; что здѣсь требуютъ отъ студента одного — работы и знанія; что здѣсь однѣми громкими фразами о благѣ челоѣчества не отдѣлаешься и здѣсь никакихъ протестовъ, никакихъ обструкцій не устроишь. Въ Парижѣ, впрочемъ, русскіе студенты немногочисленны и какъ-то теряются въ общей массѣ студентовъ. Да и слава Богу, потому что иначе двери французскихъ университетовъ закрылись бы для русскихъ, какъ это было въ Берлинѣ, куда наши студенты попытались было перенести свои нравы и обычаи.

Итакъ русскіе студенты, попробовавъ заняться своимъ излюбленнымъ дѣломъ, критикой и политикой, убѣдились на дѣлѣ, что это несовмѣстимо съ занятіями въ университетѣ.

*

Мудрый *réglement* требуетъ отъ студента серьезной работы.

Необходимость постоянно давать отчетъ въ своихъ знаніяхъ заставляетъ всѣхъ много работать, что необходимо въ виду огромнаго матеріала, который нужно приготовить къ экзамену. Я не знаю, какъ справились бы съ нимъ студенты безъ *réglement*, вносящаго дисциплину и систематичность въ изученіе каждаго предмета. Откладывать все, рассчитывая на время, даваемое для подготовки къ экзамену, нельзя. (Да и возможно ли назвать выученнымъ приготовленное на-спѣхъ!) Передъ экзаменомъ студентовъ отпускаютъ дней на 10. Практическіе экзамены идутъ одинъ за другимъ подрядъ (или съ небольшими промежутками, смотря по серіямъ). Устные же экзамены иногда бываютъ всѣ четыре въ одинъ день.

Праздниковъ, кромѣ воскресеній, нѣтъ. На Рождество занятій не было только на первый день, на Новый годъ не занимались недѣлю, на Пасху тоже цѣлая недѣля отдыха.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ профессора относятся

къ студентамъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтельницей такого случая. Студентъ, во время лекціи, расхохотался, услышавши какое-то смѣшное, по его мнѣнію, названіе. Профессоръ выразилъ ему свое удивленіе, что онъ до сихъ поръ не научился держать себя прилично, и приказалъ ему оставить амфитеатръ. Студентъ собралъ свои тетрадки и вышелъ. Въ другой разъ подобное же несчастье случилось съ одной очень милой барышней, которая больше смѣялась, чѣмъ занималась. Она должна была выслушать слѣдующую тираду профессора, когда разъ разсмѣялась во время лекціи:

— Несмотря на все уваженіе, которое я питаю къ вашему полу, къ которому принадлежитъ и моя мать, я не потерплю подобнаго поведенія на моихъ лекціяхъ, и если вы не научитесь сидѣть спокойно и записывать лекцію, я принужденъ буду выслать васъ и распорядиться, чтобы васъ не пускали на мои лекціи.

И студентъ и студентка ходили извиняться передъ профессоромъ за то, что помѣшали ему спокойно чи-

тать лекцію, и, главное, не скрывали этого!

Не правда ли, у насъ это была бы достаточная причина, чтобы закрыть университетъ? У насъ назначена была бы сходка, чтобы обсудить важный вопросъ, кто виноватъ — профессоръ ли, студентъ ли. Не нужно ли заставить профессора извиниться, и въ какихъ выраженіяхъ? Не слѣдуетъ ли его освистать и т. д.

Представитель и представительница французской молодежи сами безъ помощи товарищей (которые, впрочемъ, были одного съ ними мнѣнія, — негодовали одни русскіе о «попранныхъ правахъ») рѣшили, что они поступили невѣжливо по отношенію къ профессору.

Они извинились, и инцидентъ былъ исчерпанъ. У насъ, конечно, не обошлось бы безъ третейскаго суда, побоищъ, скандаловъ, сходовъ. Въ Парижѣ, впрочемъ, и мѣста нѣтъ для сходовъ.

Экзамены можно держать два раза въ годъ: одинъ въ концѣ года въ іюль, другой въ октябрѣ передъ на-

чаломъ занятій. На второй экзаменъ допускаются только студенты, провалившіеся на первомъ, и лишь въ видѣ исключенія разрѣшаютъ студенту отложить экзаменъ до осени, и то только въ виду болѣзни или семейныхъ обстоятельствъ. Провалившимся на экзаменахъ возвращаютъ 50 франковъ изъ 80, внесенныхъ за право экзаменоваться. Такъ что представляется къ экзамену безъ основательной подготовки — затѣя довольно разорительная для небогатыхъ молодыхъ людей. Французы мнѣ показывали, нѣкоторымъ образомъ какъ чудо, одну русскую студентку, которая провела 4 года и экзаменовалась 8 разъ. Стоитъ ли говорить, что такіе любители просвѣщенія рѣдки даже между русскими.

Желающимъ же серьезно учиться *réglement* ничего, кромѣ пользы не приносить. И большинство студентовъ благополучно выдерживаютъ экзамены въ концѣ перваго же года.

Послѣ этого подготовительнаго курса мы переходимъ на медицинскій факультетъ. Тутъ уже сравнительно больше свободы (напр., нѣтъ обязательныхъ

тетрадей съ замѣтками и отмѣтокъ за нихъ). Впрочемъ, насколько вообще свобода существуетъ во французскихъ университетахъ, предоставляю судить русскимъ студентамъ,—сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ и отсталости: я даже не знаю, что значитъ академическая свобода. Единственная свобода, приличная университету,—это свобода учиться въ немъ.

Занятія на медицинскомъ факультетѣ раздѣляются на обязательныя и необязательныя.

Къ первымъ принадлежатъ (я говорю о первомъ курсѣ): курсъ по остеологіи, практическія работы по анатоміи, гистологіи, біологической химіи, физикѣ и физиологіи.

Всѣ эти работы расположены въ строгомъ порядкѣ и слѣдуютъ однѣ за другими, съ промежутками или безъ нихъ.

Неудовлетворительное исполненіе работъ (отчетъ въ прибрѣтенныхъ знаніяхъ считается и здѣсь необходимымъ) и нули за пропуски—вызываютъ необходимость вторично прослушать обязательные курсы, вторично продѣ-

лать обязательныя работы и вторично заплатить за нихъ.

Инскрипцій выдаютъ четыре въ годъ. Но вторую инскрипцію можетъ получить только студентъ, удовлетворительно исполнившій все, что требовалось первой, и т. д. Пропуски обязательныхъ работъ и курсовъ сверхъ дозволенныхъ администраціей ведутъ иногда къ потерѣ цѣлаго года. Но вообще работы такъ расположены, что, попавши впросакъ, можно исправить свою оплошность и записаться въ слѣдующую серію по даннымъ работамъ.

Терять цѣлый годъ случается только очень рѣдко. Французскіе студенты въ большинствѣ случаевъ относятся очень добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ, и необходимость повторенія работъ является для нихъ въ видѣ исключенія, а затѣмъ университетъ открытъ отъ сентября до іюля и въ немъ постоянно идутъ работы: 1) для отставшихъ по болѣзни; 2) для неудовлетворительно работавшихъ; 3) для тѣхъ, кто будетъ отбывать воинскую повинность; 4) для студентовъ, отбывшихъ воинскую повинность и вернувшихся

въ университетъ. Администрація очень заботится, чтобы всѣ студенты исправно исполняли всѣ предписанныя факультетомъ работы; чтобы они не теряли даромъ времени; чтобы порядокъ въ выдачѣ инскрипцій не нарушался; чтобы задержекъ въ этой выдачѣ не происходило; чтобы студентъ могъ догнать товарищей и т. д.

Инскрипцій выдаютъ четыре въ годъ; при условіи повторенія работъ ихъ приходится брать 3 или 2 въ годъ. Это же можетъ случиться, если студентъ желаетъ слушать какіе-нибудь необязательные курсы или продѣлать необязательныя дополнительныя работы.

Къ каждому экзамену допускаютъ только студентовъ, имѣющихъ определенное число инскрипцій для каждаго экзамена.

Первое время на медицинскомъ факультетѣ или, точнѣе выражаясь, нѣсколько первыхъ дней ощущается какое-то странное впечатлѣніе, будто человекъ предоставленъ самому себѣ. Утро не занято, посѣщеніе больницы становится обязательнымъ только со

второго курса, лекціи можно посѣщать какія угодно, *cours publics* — разумѣется. Для всѣхъ остальныхъ обязательныхъ курсовъ и работъ нужны спеціальныя карточки. Посѣщеніе лекціи оставляетъ много свободнаго времени. Но впечатлѣніе это быстро разсѣивается: студентъ получаетъ увѣдомленіе изъ секретаріата, что онъ назначенъ въ такую-то серію для занятій по остеологии и приглашается явиться въ назначенный день и часъ въ такой-то павильонъ *Ecole Pratique*, *Rue de l'Ecole de Médecine 15*, и предварительно зайти въ секретаріатъ за полученіемъ спеціальной карточки, безъ которой двери этого святилища останутся закрытыми для него (просто студенческая карточка недостаточна для обязательныхъ работъ и курсовъ). Внизу примѣчаніе: «Въ случаѣ невозможности явиться, студентъ долженъ заблаговременно предупредить объ этомъ администрацію, дабы она могла внести его въ слѣдующую серію». А иногда и любезное увѣдомленіе, что серія эта послѣдняя въ этомъ году, т. е. указаніе на то, что слѣдуетъ держать ухо востро.

Въ секретаріатѣ студенту выдаютъ спеціальную карточку и сообщаютъ ему, что курсъ по остеологіи продолжается $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, ежедневно отъ 1 до 4, и заканчивается повѣрочнымъ испытаніемъ, послѣ котораго только студентъ, успѣшно его выдержавшій, получитъ вторую инскрипцію и будетъ допущенъ къ практическимъ занятіямъ анатоміей.

Пропустить занятія можно не больше шести разъ, и каждый разъ необходимо посылать своему прозектору письмо съ объясненіемъ причины отсутствія. Пропустившій болѣе шести разъ или не выдержавшій повѣрочнаго испытанія долженъ будетъ вторично прослушать этотъ курсъ. Всѣ занятія по остеологіи должны быть закончены къ 1-му декабря, когда начинаются практическія занятія анатоміей, продолжающіяся до 10 марта.

Въ назначенный день, ровно въ часъ, предъявивъ свои карточки служащему, поставленному у входа, приглашенные студенты получаютъ доступъ въ длинный коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены

павильоны или залы для занятій. Каждая серія работаетъ въ отдѣльномъ павильонѣ. Всѣхъ ихъ 8 или 9. Каждымъ павильономъ завѣдуетъ прозекторъ, который при помощи своихъ помощниковъ (въ каждомъ павильонѣ ихъ было 5 или 6 человекъ) руководить занятіями своей серіи. Нашъ прозекторъ сообщилъ намъ, что каждый день онъ самъ и его помощники будутъ по-очереди читать лекцію въ теченіе часа, а затѣмъ каждый помощникъ будетъ заниматься со своей группой, т. е. задавать вопросы по всему прочитанному курсу и ставить отмѣтки, которыя затѣмъ будутъ передаваться въ секретаріатъ для внесенія въ досье студента. Для этого насъ раздѣлили на нѣсколько группъ, по 15, 20 человекъ каждая, и назначили въ каждой отдѣльнаго помощника. Дѣлается это для того, чтобы помощникъ каждый день могъ спрашивать всѣхъ студентовъ своей группы.

Прозекторъ сказалъ, что, кромѣ того, по временамъ насъ будетъ экзаменовать онъ самъ и прозектора сосѣднихъ павильоновъ, а затѣмъ уже намъ

предстоитъ повѣрочное испытаніе, которое производитъ chef практическихъ работъ. И когда такимъ образомъ всѣ будутъ убѣждены, что мы достаточно подготовлены, насъ допустить диссикировать трупы. Онъ предупреждалъ насъ, что ровно въ часъ двери павильона будутъ закрыты и опоздавшіе къ перекличкѣ передъ лекціей получатъ 0 и будутъ сочтены отсутствующими. Онъ рекомендовалъ намъ серьезно отнестись къ дѣлу, такъ какъ серія была послѣдней въ году. Затѣмъ намъ предложено было списать росписаніе лекцій на эту недѣлю, чтобы мы могли заранѣе къ нимъ готовиться и учить что нужно; отъ насъ требовалась серьезная работа, а не формальное отношеніе къ дѣлу. Намъ было сообщено, какія книги нужно было купить для этой подготовки («Traité d'Anatomie Humaine» профессора Поля Пуарье или Тестю—студентамъ была предоставлена свобода выбора).

Прозектора и ихъ помощники, предназначенные факультетомъ для руководства занятіями остеологіей, дисекціей и médecine opératoire студентовъ

I, II и III курсовъ, все это интерны парижскихъ госпиталей, краса и честь парижской медицинской школы. Мѣста эти распредѣляются между интернами, выдержавшими спеціальныя конкурсные экзамены: 1) Concours de l'Adjuvat для того, чтобы получить мѣсто помощника; 2) Concours de Prosectorat для того, чтобы получить мѣсто прозектора. Къ послѣднему конкурсу допускаются только одни помощники изъ всѣхъ интерновъ.

Помощникъ назначается на 2 года, по прошествіи которыхъ онъ можетъ представиться къ Concours de Prosectorat, или вторично къ Concours de l'Adjuvat, если желаетъ сохранить свое мѣсто на факультетѣ.

Прозекторъ назначается на 3 года, по прошествіи которыхъ можетъ вторично представиться къ конкурсу, если хочетъ еще остаться прозекторомъ.

Всѣ больницы Парижа находятся въ вѣдѣніи Administration de l'Assistance Publique и всѣ онѣ—не могу сказать, подчинены,—но скорѣе соединены съ парижскимъ медицинскимъ факультетомъ. Студенты по отношенію къ

больницамъ раздѣлены на четыре группы.

I группа. *Elevés Bénévoles*, т. е. студенты I курса, для которыхъ посѣщеніе больницы еще не обязательно, но которые, тѣмъ не менѣе, все-таки ее посѣщаютъ, подготавливаясь къ обязательному стажу, начинающемуся со II курса; студенты другихъ курсовъ, уже окончившіе свои обязательные стажы, но которые находятъ посѣщеніе больницы поучительнымъ для себя.

Къ этой категоріи можно причислить многочисленныхъ иностранныхъ докторовъ, пріѣхавшихъ поучиться у французовъ медицинскому искусству и умѣнью все великолѣпно устроить.

Всѣ лица этой категоріи могутъ посѣщать больницу съ разрѣшенія *Chef de service*—(*chirurgien médecin* или *accoucheur des Hopitaux*), оставаться въ томъ или другомъ *service* сколько вздумается, переходить изъ одного *service* въ другой, когда вздумается.

II группа. Стажеры, то-есть студенты II, III, IV курса, которые посѣщаютъ больницу по предписанію

факультета и для которыхъ ежедневное посѣщеніе больницы и пребываніе въ ней отъ 9 — 12 час., т.е. въ продолженіе визита *chef de service*, обязательны. Каждый студентъ во время своего пребыванія въ университетѣ долженъ сдѣлать три обязательныхъ стажа: 1) хирургіи, 2) медицины и 3) акушерства и еще одинъ специальный.

Стажъ, или обязательное ежедневное посѣщеніе больницы, продолжается $5\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ (отъ 1 декабря до 15 іюня). Онъ долженъ быть сдѣланъ въ одномъ и томъ *service*, подъ руководствомъ одного и того же *chef*. Въ концѣ стажа *chef de service* посылаетъ свое мнѣніе о каждомъ стажерѣ на факультетъ, гдѣ этотъ отзывъ вносятъ въ *dossier* студента. Неудовлетворительный отзывъ вызываетъ необходимость повторить стажъ.

III группа. *Elevés Externes*, т.е. студенты, выдержавшіе первый курсный экзаменъ *Concours de l'Externat* передъ жюри, состоящимъ изъ *chirurgiens* и *médecins des Hopitaux* (которые въ то же время могутъ быть

и professeur или professeur agrégé à la Faculté).

Къ этому экзамену можетъ быть допущенъ каждый студентъ, имѣющій 4 инскрипціи, и къ нему можно представляться только въ теченіе 7 лѣтъ, слѣдующихъ за выдачей первой медицинской инскрипціи. Чтобы быть допущеннымъ къ этому конкурсу, студентъ долженъ представить, кромѣ своего метрическаго свидѣтельства и свидѣтельства изъ секретаріата, гдѣ отмѣчены инскрипціи, имъ взятыя, еще свидѣтельство отъ полицейскаго комиссара, удостоверяющее его *bonnes vie et moeurs*.

Экстерны назначаются на 3 года.

Кромѣ ежедневнаго присутствія въ больницѣ, отъ него требуется еще:

1) Помогать во время всего визита или консультаціи шефу, къ которому онъ назначенъ.

2) Содержать въ предписанномъ порядкѣ тетради, предназначенныя для больныхъ (гдѣ записываютъ исторію болѣзни и т. д.).

3) Дѣлать подѣ наблюденіемъ интерна всѣ перевязки, которыя ему поручитъ шефъ.

4) Производить и записывать наблюденія надъ больнымъ, какія требуютъ шефъ.

5) Кромѣ шефа, экстернъ подчиненъ еще и интерну своего *service* во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходится помогать интерну или дѣйствовать подѣ его наблюденіемъ.

Изъ этого видно, что экстернъ имѣетъ право играть болѣе активную роль, чѣмъ стажеръ, который долженъ присутствовать въ больницѣ, слушать объясненія шефа, лекціи его у постели больного, отвѣчать на вопросы и т. д. (Хотя, конечно, тѣмъ не ограничивается дѣятельность стажера въ больницѣ, особенно если видятъ, что онъ хочетъ работать, т.-е. заслуживаетъ, чтобы на него обращали вниманіе). Но это право не было ли бы для русскихъ студентовъ лишь усугубленіемъ обязанностей. Въдѣ экстерну приходится заниматься вдвое больше, чѣмъ остальнымъ, чтобы быть достойнымъ своего положенія. Въдѣ имъ не позволяютъ дѣлать все перечисленное, а это ихъ право, для полученія котораго они держали конкурсный экзаменъ.

Въ нѣкоторыхъ больницахъ экстернамъ платятъ небольшое жалованье, «на извозчика» (frais de voiture), такъ какъ больницы, гдѣ его выдаютъ, расположены ужасно далеко. Вообще же они ничего не получаютъ.

По прошествіи двухъ лѣтъ экстернъ можетъ представиться ко второму конкурсному экзамену—Concours de l'Internat. Тѣ изъ нихъ, которые его не выдержали или не пожелали къ нему представиться, по прошествіи трехъ лѣтъ (срока, на который они назначены) могутъ вторично представиться къ Concours de l'Externat.

Въ этомъ случаѣ они составляютъ особую серію—ветераны. Къ нимъ предъявляютъ болѣе серьезные требованія и задаютъ болѣе серьезные вопросы.

Экстерномъ нельзя быть болѣе шести лѣтъ.

IV группа—интерны, т. е. студенты, выдержавшіе второй конкурсный экзаменъ, Concours de l'Internat. Къ нему допускаются одни только экстерны, и для него нужно представить слѣдующіе документы:

1) Свидѣтельство изъ факультета объ инскрипціяхъ.

2) Свидѣтельство изъ больницы, удостоверяющее, что онъ посѣщалъ ее въ качествѣ экстерна.

3) Свидѣтельство, выданное шефами, подъ руководствомъ которыхъ онъ работалъ, и директорами больницъ, которыя онъ посѣщалъ, и удостоверяющее его отношеніе къ дѣлу и его поведение: exactitude, subordination et bonne conduite (исполнительность, субординацію и хорошее поведение).

Интерны назначаются на 4 года. Они должны жить въ больницѣ, гдѣ имъ отводятъ помѣщеніе, или по близости больницы; въ послѣднемъ случаѣ имъ выдаютъ квартирныя деньги. Они получаютъ жалованье. Обязанности интерновъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Помогать шефу во время визита или консультаціи.

2) Вести тетради особыхъ наблюденій надъ больными по порученію шефа.

3) Дѣлать всѣ важныя и сложныя перевязки.

4) Дѣлать каждый день отъ 4 до 7

часовъ обходъ больныхъ въ service, въ которомъ интернъ находится.

5) Посѣщать по нѣсколько разъ въ день больныхъ, указанныхъ шефомъ.

6) Въ промежутокъ между визитами шефа, въ случаѣ необходимости, измѣнять режимъ больного, прописывать ему новыя лекарства (но интернъ долженъ дать отчетъ шефу въ своихъ дѣйствіяхъ).

7) Интерны могутъ дѣлать операціи подъ наблюденіемъ шефа или даже въ его отсутствіи могутъ съ его разрѣшенія дѣлать указанную операцію на указанномъ больномъ (это дозволяется только интернамъ, имѣющимъ 12 инскрипцій; въ противномъ случаѣ—судебное слѣдствіе).

8) Нести по очереди 24-часовое дежурство. Дежурный интернъ осматриваетъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ приносятъ въ промежутокъ между визитами шефовъ, и высказывается за или противъ ихъ принятія въ больницу.

9) Если состояніе больного ухудшилось, посовѣтовавшись съ дежурнымъ хирургомъ и съ его разрѣшенія, интернъ можетъ сдѣлать операцію или,

предупредивши директора больницы только, долженъ сдѣлать операцію, если это было ему поручено или дозволено его шефомъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ представить директору больницы не позже 24 часовъ послѣ операціи письменное подтвержденіе разрѣшенія оперировать, выданное шефомъ.

Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (трахеотомія) интернъ можетъ дѣлать операцію безъ разрѣшенія, причемъ долженъ только предупредить директора больницы.

Конечно, для исполненія такихъ отвѣтственныхъ обязанностей студентъ долженъ обладать солидными знаніями. Недаромъ же Concours de l'Internat считается самымъ труднымъ экзаменомъ на всея факультетѣ, и нѣкоторые экстерны представляются къ нему 4—5 разъ, прежде чѣмъ смогутъ выдержать его. Но развѣ трудъ этотъ не вознаграждается съ излишкомъ?

Двухлѣтняя практика въ госпиталяхъ въ качествѣ экстерна подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ подготавливаетъ къ этой отвѣтственной роли. Экстернъ, который проводитъ

все утро въ больницѣ, отъ 1—до 4 занимается на факультетѣ практической анатоміей, médecine opératoire, opérations d'urgence, anatomie pathologique, посѣщаетъ cours cliniques, conférences для подготовки къ конкурсу, спеціальныя курсы и т. д. Инскрипціи же можетъ брать какъ ему удобнѣе.

Какъ экстерны, такъ и интерны должны цѣлый годъ оставаться въ одномъ и томъ же service и работать подъ руководствомъ одного и того же шефа. Каждый годъ они мѣняютъ service и переходятъ къ новому шефу. Какъ экстерны, такъ и интерны должны ежедневно дважды расписываться въ посѣщеніи больницы: 1) въ кабинетѣ шефа, 2) въ кабинетѣ директора больницы—двойной контроль факультета и Administration de l'Assistance Publique. Для интерновъ, пробывшихъ 4 года въ больницахъ, открытъ еще одинъ конкурсъ,—конкурсъ на соисканіе золотой медали. Получившій ее, кромѣ денегъ на путешествіе, получаетъ право еще одинъ годъ остаться интерномъ, т.-е. вмѣсто 4 лѣтъ пробыть тамъ 5 лѣтъ.

Студентъ, окончившій всѣ обязательныя экзамены, написавшій и представившій тезу (докторскую диссертацию) и получившій докторскій дипломъ, т. е. право практики, не можетъ болѣе оставаться въ больницѣ въ качествѣ Elève interne.

Для докторовъ медицины, желающихъ имѣть мѣсто въ больницѣ, существуютъ другіе конкурсные экзамены. Это конкурсы на званіе chef de clinique на chirurgien, médecin или accoucheur des Hôpitaux. Не выдержавшіе этихъ конкурсовъ не имѣютъ права получить мѣсто въ больницѣ. Нужно ли говорить, что не-интерны не въ состояніи выдержать этихъ конкурсныхъ экзаменовъ? Да и не всѣмъ интернамъ это удастся.

Кромѣ этихъ конкурсовъ, для докторовъ медицины есть еще конкурсъ на Professeur agrégé à la Faculté (Professeur agrégé можетъ быть въ то же время chirurgien или médecin des Hôpitaux). Professeur agrégé читаетъ лекціи въ теченіе 6 лѣтъ (agrégé en exercices), а затѣмъ обращается въ agrégé libre.

Эти *agregés* читаютъ различные курсы и участвуютъ въ качествѣ членовъ жюри въ различныхъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ.

Конкурсные экзамены для студентовъ имѣютъ цѣлью выдѣлить самыхъ способныхъ, трудолюбивыхъ и обладающихъ наиболѣе солидными знаніями.

Они состоятъ помощниками профессоровъ и докторовъ въ больницахъ, ихъ ближайшими учениками. Имъ каждый шефъ посвящаетъ болѣе вниманія, чѣмъ остальнымъ студентамъ, какъ потому, что они наиболѣе способны понять и оцѣнить его слова, такъ и потому, что онъ отвѣчаетъ за ихъ промахи и ошибки, какъ и за всю медицинскую часть своего *service*.

Экстерны и интерны помогаютъ шефу, исполняютъ порученное имъ и имѣютъ большую, чѣмъ остальные студенты, возможность работать самостоятельно въ больницѣ.

А во Франціи эту возможность нужно заслужить.

Я не могу выразить, до чего выигрываютъ больницы и, главное, боль-

ные отъ такой постановки дѣла и отъ присутствія экстерновъ и интерновъ, съ увлеченіемъ и любовью отдающихся избранному дѣлу подъ руководствомъ самыхъ выдающихся изъ докторовъ.

Для того, чтобы понять все превосходство французскаго университетскаго режима, достаточно побывать нѣсколько разъ во французскихъ и русскихъ больницахъ.

Восторгъ, который французскія больницы вызываютъ въ докторахъ всего міра, ясно показываетъ, что французы устроили все именно такъ, какъ слѣдовало, и довели все до совершенства.

Благодаря этой системѣ, больницами руководятъ только самые выдающиеся изъ докторовъ, окруженные выдающимися помощниками. Въ больницахъ не только лечатъ, но и учатъ. Польза, которую такая система приноситъ студентамъ, не говоря уже о больныхъ, прямо безгранична. Она не только отвлекаетъ студентовъ отъ безцѣльныхъ занятій, не только составляетъ ихъ учиться, чтобы быть пригоднѣе для своего дѣла, но и ста-

*

вить передъ ихъ глазами въ качествѣ руководителей живые примѣры для подражанія. Мы видимъ изъ этой системы, что не только кафедрѣ въ университетѣ, но и всѣ мѣста въ больницахъ замѣщены самыми выдающимися, талантливыми и наиболѣе преданными своему дѣлу, и что какъ студенты, такъ и больные ввѣрены самымъ искуснымъ рукамъ. Только низшій персоналъ въ больницахъ, *surveillantes, infirmiers, infirmières, garçons* назначаются безъ конкурса, но всетаки послѣ экзамена и послѣ двухлѣтняго, кажется, обязательнаго курса.

Можно ли послѣ этого удивляться блестящему состоянію французскихъ больницъ? Можно ли удивляться, что даже низшій медицинскій персоналъ имѣетъ больше понятія о современныхъ требованіяхъ гигиены и асептики, чѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ докторовъ? Можно ли удивляться, что тамъ не встрѣтишь фактовъ, которые съ болью въ сердцѣ приходится наблюдать у себя на родинѣ?

По этому поводу я не могу не вспомнить наблюденій, которыя мнѣ до-

велось сдѣлать въ одной русской больницѣ.

Все тамъ, кромѣ отношенія къ дѣлу врачебнаго персонала, было великолѣпно: великолѣпно было зданіе, великолѣпны всѣ помѣщенія, великолѣпны новѣйшіе усовершенствованные аппараты и т. д. Остальное было прямо поразительно и оставляло впечатлѣніе какого-то ужаснаго кошмара. Несмотря на обиліе умывальниковъ и дезинфицирующихъ средствъ, доктора не мыли рукъ при осмотрѣ больныхъ и изслѣдовали одну рану за другой грязными руками (отъ мыла и дезинфекціи заводится у нихъ экзема, жаловался одинъ изъ нихъ!). Даже при маленькихъ операціямъ избѣгали они этой утомительной церемоніи, клали прямо на грязный столъ свои инструменты, которыми они ковыряли (не приберу другого выраженія для ихъ дѣйствій) въ ранахъ, вызывая нечеловѣческіе крики больныхъ. Фельдшера, дѣлая перевязки, во всемъ подражали докторамъ. Весь матеріалъ для перевязокъ, красиво уложенный въ банки (все время оставшіяся

открытыми!) и якобы стерилизованный, былъ помѣщенъ туда грязными руками завѣдующихъ матеріаломъ. Инструменты послѣ стерилизаціи вытирались грязными полотенцами! Вообще это было нѣчто чудовищное. Оставалось только удивляться выносливости человѣческаго организма, способнаго устоять противъ соединенныхъ усилій болѣзни и врачей. Никакого интереса къ дѣлу я не замѣчала ни у кого. Всѣ отбывали тягостную обязанность съ скучающимъ видомъ, жаловались на обиліе работы (хотя приходили послѣ 10 часовъ) и на отсутствіе праздниковъ. Ничего подобнаго я не видала во Франціи: тамъ всѣ занимаются своимъ дѣломъ съ любовью и увлеченіемъ, шефы сами подаютъ примѣръ. Шефъ того service, гдѣ я имѣла счастье работать, носящій извѣстное имя и имѣющій въ числѣ своихъ пациентовъ коронованныхъ особъ, не только каждый день пріѣзжалъ въ больницу, гдѣ оставался отъ 9—12, но даже не отступалъ отъ этой привычки въ праздники Рождества, Новаго года и Пасхи.

Больше всѣхъ въ этой удивительной больницѣ поразилъ меня студентъ, который приходилъ туда каждое утро работать. Пораженная его манерой дѣлать перевязки, осматривать больныхъ и т. д., я полюбопытствовала узнать, чему же его учили въ университетѣ. Онъ со смѣхомъ сказалъ мнѣ, что русскихъ студентовъ учатъ тому же, чему и французскихъ, и что въ университетскихъ клиникахъ, гдѣ за ними слѣдятъ, они все дѣлаютъ какъ слѣдуетъ, но что дальше клиникъ все это не принято примѣнять, такъ какъ безъ всего этого гораздо легче обойтись, и приводилъ мнѣ въ примѣръ докторовъ, орудующихъ на нашихъ глазахъ. Онъ предсказывалъ, что и мнѣ все это очень скоро надоѣстъ и что я тогда начну дѣйствовать, какъ всѣ, то-есть, какъ онъ самъ и эти доктора.

Можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе подобныхъ разсужденій? И чего можно ожидать отъ дѣла, порученнаго подобнымъ исполнителямъ? И это дѣлалъ, это говорилъ не бюрократъ. Эти люди были не чиновники и не пред-

ставители бюрократіи,—этого всеобщаго козла отпущенія. Нѣтъ, это были представители свободной профессіи, которую обыкновенно принято избирать по призванію; эти люди — произвольно взятые единицы одного цѣлага, представляющаго русскую интеллигенцію. При такомъ отношеніи къ дѣлу представителей россійской интеллигенціи можно ли удивляться всеобщему застою въ Россіи? Какихъ результатовъ можно ожидать отъ дѣлъ, порученныхъ подобнымъ философамъ? Могутъ ли всѣ благія начинанія правительства окончиться чѣмъ нибудь, кромѣ аварии, разъ русская интеллигенція способна дать ему лишь подобныхъ исполнителей?

Предполагать, что при измѣненномъ режимѣ (т. е. когда они разсядутся иначе) у подобныхъ исполнителей «запляшутъ лѣсъ и горы», могутъ только люди, обладающіе оптимизмомъ Крыловской Мартышки.

До тѣхъ поръ, пока наша интеллигенція будетъ, какъ это было до сихъ поръ, производить въ изобиліи подобные типы, никакой прогрессъ не-

мыслимъ для страны. Ни депутатскіе мандаты, ни министерскіе портфели, о которыхъ такъ мечтаютъ и которыхъ такъ домогаются наши интеллигенты, не помогутъ имъ спасти Россію и направить ее на путь прогресса, разъ они сами не передѣлаютъ своего нрава, своего отношенія къ дѣлу и своего взгляда на обязанности гражданина и человѣка. Нужно ли говорить, что ничего подобнаго описанной больницѣ нельзя встрѣтить во Франціи? И неужели только потому, что у французовъ есть *Chambre des Députés*, а у насъ нѣтъ? Нѣтъ, это происходитъ только оттого, что французскіе университеты отвѣчаютъ цѣли, для которой они были созданы. Цѣль университетовъ—дать странѣ наилучшихъ, наиболѣе образованныхъ работниковъ на данномъ поприщѣ и тѣмъ поставить на желанную высоту то учрежденіе, то вѣдомство, гдѣ они будутъ работать, потому что только при этомъ условіи возможенъ прогрессъ для страны. Цѣли этой французскіе университеты, благодаря своей университетской системѣ, достигли. А наши,

кромѣ студентовъ забастовщиковъ, забастовщиковъ всѣхъ профессій, бюрократовъ,—они умудряются еще фабриковать врачей забастовщиковъ и измѣнниковъ. Вѣдь большей измѣны своему народу и представить нельзя, чѣмъ это «гражданское мужество» героевъ Пироговскаго Съѣзда!

Впрочемъ, дѣло было въ посту и, можетъ быть, это было лишь покаяніе и смиренное сознаніе, что паціентамъ менѣе страшна холера, чѣмъ ихъ помощь?

Оставимъ этихъ несчастныхъ, такъ странно понимающихъ свой долгъ передъ народомъ, о служеніи которому у насъ столько кричатъ и которому такъ ревностно служатъ на дѣлѣ, оставимъ этихъ фарисеевъ, отъ помощи которыхъ уже начинаетъ отказываться самъ народъ (Корр. изв. Звен. уѣз. Мос. губ. «Нов. Вр». № 10451), и обратимся къ французской системѣ.

Не всѣ студенты могутъ сдѣлаться интернами. Не всѣ могутъ такъ много заниматься, такъ успѣшно работать, не всѣ могутъ наконецъ посвящать такъ много лѣтъ пребыванію на факультетѣ.

Конкурсные экзамены, пребываніе въ больницѣ въ качествѣ экстерна сначала, а затѣмъ интерна обращаютъ 6-лѣтній курсъ въ 8-милѣтній при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ:

Оставляя въ сторонѣ этотъ *élite*, который служитъ примѣромъ для подражанія въ исполненіи своихъ обязанностей и руководителями, подъ началомъ которыхъ находятся всѣ остальные студенты, займемся большинствомъ и тѣмъ, какъ обстоитъ дѣло на первомъ курсѣ. Въ продолженіе курса остеологіи студентъ ежедневно отъ 1 до 4 проводитъ въ назначенномъ павильонѣ. Сначала слушаетъ и записываетъ лекцію, затѣмъ отвѣчаетъ на вопросы своего *aide*, своего прозектора или прозекторовъ соседнихъ павильоновъ, получаетъ за всѣ отвѣты отмѣтки, отправляемыя въ секретаріатъ, гдѣ онѣ вмѣстѣ съ результатомъ провѣрочнаго испытанія служатъ основаніемъ для рѣшенія вопроса: можетъ ли быть студентъ допущенъ къ практическимъ занятіямъ анатоміей или слѣдуетъ ли ему повторить курсъ остеологіи.

Послѣ провѣрочнаго испытанія, производимаго chef'омъ практическихъ работъ, занятія остеологіей смѣняются дисекціей.

Въ павильоны, вмѣсто рѣшетокъ съ прикованными къ нимъ цѣпями разобранными частями скелета, приносятъ столы съ трупами, которые мы должны дисекировать. Вмѣсто костей, которыя мы изучили раньше, теперь мы изучаемъ мускулы, артеріи, нервы и т. д. Въ остальномъ перемѣнъ мало. Попрежнему двери павильона закрываются ровно въ часъ. Попрежнему перекличка, лекція, а затѣмъ намъ предоставляютъ работать надъ трупомъ. Около каждаго стола съ трупомъ работаетъ 5 студентовъ. Мы работаемъ подъ руководствомъ своего aide, который наблюдаетъ за нашей работой и ставитъ за нее отмѣтки, но который спрашиваетъ насъ теперь не каждый день, какъ раньше, но гораздо рѣже.

Прозекторъ и aide сидятъ теперь посреди зала и тоже дисекируютъ, готовясь къ своимъ concours и подавая намъ примѣръ прилежанія. Были, впро-

чемъ, и другія перемѣны. Chef практическихъ работъ заглядывалъ къ намъ гораздо чаще, чѣмъ во время остеологіи, и задавалъ намъ вопросы, за которые ставилъ отмѣтки. Перекличекъ было не одна, а три: 1) передъ лекціей, 2) передъ тѣмъ, какъ мы начинали работать, и 3) которую время отъ времени производилъ chef практическихъ работъ обыкновенно передъ 4 часами, чтобы мы не приобрѣли пагубной привычки уходить раньше назначеннаго часа и сидѣли бы опредѣленное время.

На медицинскомъ факультетѣ студенту не посылаютъ отмѣтокъ, какъ это было на подготовительномъ курсѣ естественнаго факультета, но въ случаѣ неудовлетворительнаго исполненія работъ, или частыхъ пропусковъ (на практическихъ занятіяхъ анатоміей, какъ и во время курса по остеологіи, больше 6 пропусковъ не полагается), его заставляютъ повторять курсъ.

Чтобы избавиться этого удовольствія, приходится добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ и очень много заниматься дома. Всѣ эти интерны, которые такъ много рабо-

тали сами, требовали того же и отъ насъ.

Дисекціей занимаются въ теченіе 2-хъ зимъ отъ декабря до марта, послѣ чего студентъ можетъ представиться къ экзамену анатоміи, если онъ удовлетворительно работалъ и имѣетъ необходимое для экзамена число инскрипцій.

Обязательныя работы по анатоміи оставляли студентамъ перваго курса довольно свободнаго времени. Какъ употребляютъ это время французскіе студенты? На критику своего университетскаго режима, который, я увѣрена, показался бы чудовищнымъ ихъ рускимъ товарищамъ? На занятія политикой, на посѣщеніе митинговъ и т. д.? Вѣдь борьба партій такъ интересна; слѣдить за ней, вмѣшиваться въ нее такъ заманчиво! Русскіе студенты не устояли бы противъ искушенія, забросили свои *études*, и обратились бы вѣроятно въ *agents electoraux*. Французскіе студенты такъ же молоды, такъ же отзывчивы и впечатлительны, какъ и рускіе, но мудрая система направляетъ молодыя силы на

пользу имъ, а не во вредъ и вырабатываетъ изъ нихъ не мечтателей, не имѣющихъ почвы подъ ногами, а полезныхъ дѣятелей для страны. Французскіе студенты 1-го курса не теряютъ на эти забавы дарогаго времени. Они находятся подъ вліяніемъ интерновъ, т. е. наиболѣе серьезныхъ и дѣльных изъ своихъ товарищей, поставленныхъ факультетомъ въ качествѣ руководителей и наставниковъ. Въ университетѣ студентъ не только пріобрѣтаетъ знанія, но и научается цѣнить труды и знанія, видя, что здѣсь человекъ цѣнится только по результатамъ своего труда и успѣшной работы, а не по количеству громкихъ фразъ, которыя всякій можетъ произносить.

Интерны не занимаются бессмысленными агитаціями и нелѣпой пропагандой. Они имѣютъ политическія убѣжденія самыя разнообразныя, но у нихъ нѣтъ ни времени, ни охоты навязывать ихъ кому бы то ни было. Интерны, къ которымъ мы всѣ проникнуты живѣйшимъ уваженіемъ, убѣждали насъ въ необходимости хо-

дить каждое утро въ больницу, чтобы подготовляться къ stage obligatoire (начинающемуся со II курса) и связаннымъ съ нимъ обязанностямъ. Они убѣждали насъ въ необходимости приступить сейчасъ же къ изученію патологіи, благо занятія анатоміей оставляютъ намъ много свободнаго времени. Они говорили, что заняться патологіей необходимо теперь же, не откладывая этого въ долгій ящикъ, потому что на будущій годъ chefs, у которыхъ мы будемъ дѣлать свои stages obligatoires, будутъ задавать намъ вопросы, на которые нужно отвѣчать; что если мы всегда будемъ отмалчиваться, то на насъ перестанутъ обращать вниманіе въ больницѣ, какъ на негодный элементъ; что нельзя тратить ни одной минуты, и интереснѣе учить одно въ связи съ другимъ. Такъ легче запоминать, и это освѣщаетъ ученіе анатоміи. Говорили, что если не начнемъ сейчасъ же, то на будущій годъ не будемъ успѣвать выучивать всего, что отъ насъ будутъ требовать. А такъ какъ учить болѣзни, не видя больныхъ, — все равно, что

учить анатомію, не диссекируя и не имѣя подъ руками трупа, то они усиленно рекомендовали намъ сейчасъ же начать ходить въ больницу. Они говорили, что въ какую больницу мы ни попали бы на будущій годъ, тамъ всѣ будутъ очень удивлены, узнавъ, что мы не посѣщали ни одной больницы, т. е. потеряли цѣлый годъ, имѣя всѣ утра свободными. Они увѣряли насъ, что посѣщать больницу самое интересное дѣло, и говорили такъ убѣдительно, что всѣ первокурсники пожертвовали свободными утрами и стали проводить ихъ въ больницахъ.

Въ больницѣ, куда студентъ попадаетъ какъ *élève benevole*, съ разрѣшенія *chefs de service* разумѣется, онъ видитъ дѣятельную работу и всеобщее соревнованіе. Каждый *chef de service* (а въ каждой больницѣ ихъ нѣсколько) имѣетъ въ больницѣ нѣсколько залъ съ больными. Его *service* состоитъ изъ *chefs de clinique*, интерновъ, экстерновъ.

Каждымъ отдѣльнымъ заломъ завѣдуетъ интернъ, состоящій помощникомъ шефа; въ его распоряженіи

находятся два экстерна и нѣсколько стажеровъ. Стажеры, экстерны и интерны должны собираться въ больницѣ передъ приходомъ своего шефа. Всѣ они расписываются въ посѣщеніи больницы (контроль, замѣняющій перекличку). Стажеру поручаютъ одну или нѣсколько кроватей съ больными, которые находятся на попеченіи экстерна. Онъ долженъ выучить эти болѣзни, слѣдить за ходомъ болѣзни, внести въ тетрадь исторію болѣзни, всѣ измѣненія, ея ходъ, всѣ замѣчанія шефа. Онъ долженъ отвѣчать шефу на всѣ вопросы. Стажеры должны присутствовать во время визита шефа и консультаціи.

Стажеры находятся въ распоряженіи интерна и экстерновъ своего зала и исполняютъ все, что имъ поручено: — перевязки приходящимъ больнымъ, или больнымъ своей залы, анализы и т. д.

Каждый день передъ визитомъ шефа интернъ въ сопровожденіи стажеровъ и экстерновъ своего зала обходитъ больныхъ.

Затѣмъ уже прибываетъ шефъ, который проводитъ въ больницѣ все

утро. Весь service сопровождаетъ его при обходѣ, осмотрѣ больныхъ, выслушиваетъ объясненіе, лекцію у постели больного, записываетъ все, что нужно въ свои тетради, затѣмъ всѣ присутствуютъ на операціи или присутствуютъ, исполняя приказанія шефа, только часть service, при операціи, а остальные исполняютъ порученное шефомъ.

Ничего болѣе прелестнаго и увлекательнаго нельзя себѣ представить, и, чтобы имѣть возможность проводить утра въ больницѣ, можно просиживать цѣлые вечера и часть ночи, готовясь къ обязательнымъ работамъ. Впервые прибывшаго *élève benevole* прежде всего спрашиваютъ, готовится ли онъ къ *concours de l'Externat*, и совѣтуютъ готовиться; спрашиваютъ, намѣренъ ли онъ серьезно заниматься, т. е. будетъ ли онъ приходить ежедневно и будетъ ли онъ приходить болѣе или менѣе продолжительное время въ service.

Въ первомъ случаѣ, если получится удовлетворительный отвѣтъ и послѣ того какъ убѣдятся въ серьезности

его намѣреній, его начинаютъ учить, ему показываютъ, ему говорятъ, что нужно выучить, но зато отъ него требуютъ серьезной работы и отчета. Каждый день интернъ, обходя больныхъ, задаетъ ему вопросы и разъясняетъ недоумѣнія. И чтобы не утратить этого цѣннаго вниманія, которое никогда не расточается даромъ, студенту приходится много заниматься и много работать дома. Впрочемъ, безъ этой подготовки и этой работы *élève benevole* или даже стажьеръ не были бы даже въ состояннн понять то, что говоритъ шефъ въ больницѣ. А стажьеръ долженъ не только понимать, но и отвѣчать на вопросы и говорить свое мнѣнн, если его спросятъ. Интернъ и экстерны учатъ *élève benevole* на выздоравливающихъ выступать и выслушивать больныхъ, или учатъ дѣлать перевязки, сначала показываютъ, потомъ смотрятъ, какъ студентъ ихъ дѣлаетъ, и затѣмъ рѣшаютъ, можно ли студенту что-нибудь поручить или же на него и вниманія обращать не стоитъ. Въ послѣднемъ случаѣ конечно роль *élève bene-*

vole становится очень плачевной. То же самое можно сказать и о стажьерѣ: пребыванн его въ больницѣ будетъ невыносимымъ, если ему придется ограничиться только созерцательной ролью. Кроме того, если онъ недобросовѣстно относится къ дѣлу, *chef*, недовольный имъ, пошлетъ на факультетъ недобрительный отзывъ о немъ, и это вызоветъ необходимость повторить стажъ. Интерны больницы, какъ интерны *Ecole Pratique*, совѣтуютъ намъ немедленно начать готовиться къ первому конкурсному экзамену—*concours de l'externat*, къ которому нужно приготовить 150 вопросовъ по анатомн и 150 вопросовъ по патологн. Часть этихъ вопросовъ, все равно, нужно выучить, или они уже выучены, потому что ихъ безпрестанно спрашиваютъ или въ больницѣ, или въ *Ecole Pratique*, такъ что эта подготовка не можетъ отвлечь студента отъ обязательныхъ занятн, но, наоборотъ вноситъ въ нихъ оживленн и возбуждаетъ интересъ къ нимъ.

И вотъ почти всѣ первокурсники начинаютъ готовиться къ этому кон-

курсному экзамену. Конечно, многие не только не выдержатъ его съ перваго раза, но даже не рѣшатся представиться къ нему; но вѣдь это можно сдѣлать на будущій годъ. Конкурсные экзамены можно держать каждую осень. Но если даже студентъ и не выдержитъ его, или выдержитъ не скоро, то все же эта подготовка ничего, кромѣ пользы, ему не приноситъ.

Экзаменъ Concours de l'Externat состоитъ изъ двухъ частей: 1) вопросъ по описательной анатоміи, иногда, впрочемъ бываетъ une question de region, canal inguinal напр.; 2) вопросъ по патологіи или petite chirurgie. Обѣ части проходятъ въ различные дни. Студенту предлагаютъ вопросъ (Signes de la Fièvre Typhoïde; Symptômes de la Coxalgie; Rapports de la Crosse de l'Aorte и т. д.), даютъ ему 5 минутъ на размышленіе и подготовку вопроса, и 5 минутъ на отвѣтъ. Время, предназначенное для отвѣта, опредѣляется часами съ электрическимъ звономъ. Отвѣтъ на заданный вопросъ долженъ быть выраженъ въ теченіе 5 минутъ

совершенно полно, ясно, понятно и насколько возможно интересно.

Для того, чтобы быть яснымъ и полнымъ, для отвѣта необходимъ планъ.

На составленіе этого плана предназначены 5 минутъ, даваемые на размышленіе. Нужно быстро записать остова отвѣта и главные точки. Студентъ конечно долженъ вполне владѣть своимъ вопросомъ, т. е. основательно знать все, касающееся этого вопроса, и долженъ выразить свои знанія въ краткой, но полной формѣ. Студентъ во время отвѣта вполне предоставленъ самому себѣ. Изъ него не вытягиваютъ знаній, его не поправляютъ, если онъ говоритъ не то; тутъ нѣтъ наводящихъ вопросовъ, намековъ. Студентъ говоритъ въ теченіе 5 минутъ, а члены жюри слушаютъ и отмѣчаютъ свои впечатлѣнія.

Здѣсь отъ студента требуется, кромѣ знаній, умѣніе пользоваться выученнымъ матеріаломъ, умѣніе группировать его, ясное пониманіе, а не отрывочныя свѣдѣнія, и умѣніе ясно и толково выразиться.

За недостаткомъ времени студентъ, конечно, не можетъ останавливаться на мелочахъ, на подробностяхъ, но все-таки онъ имѣетъ довольно времени, чтобы упомянуть и о нихъ.

Чтобы добиться желанныхъ результатовъ, студенту приходится много и серьезно заниматься.

Кромѣ Anatomie Humaine профессора Пуарье, Manuel de Pathologie, Externe de 4 Agrégés, Manuel de Pathologie Interne профессора Дьелафуа, и Petite Chirurgie Терье, откуда черпаются матеріалы для изученія вопросовъ, студенты обзаводятся еще учебникомъ Questions de l'Externat, гдѣ примѣрно изложены нѣкоторые вопросы, которыми можно руководствоваться, какъ примѣромъ для приготовления остальныхъ.

Для подготовки къ этому экзамену и для того, чтобы занятія по этой подготовкѣ были интереснѣй и приносили бы больше пользы, студенты собираются въ группы по нѣсколько человѣкъ и собираются разъ въ недѣлю у одного изъ товарищей. Въ продолженіе недѣли каждый студентъ этой

группы учить и подготавливаетъ выбранные сообща вопросы.

Въ назначенный день, когда всѣ вопросы должны быть выучены каждымъ, студенты собираются вмѣстѣ, и каждый, по очереди, тянетъ билетъ съ вопросомъ.

Вытянувшій билетъ съ вопросомъ въ продолженіе 5 минутъ составляетъ планъ, а затѣмъ въ продолженіе другихъ 5 минутъ развиваетъ вопросъ. Сначала, разумѣется, на него дается 20, 15, 10 минутъ, но затѣмъ мало-по-малу срокъ этотъ сокращается и обращается въ опредѣленную экзаменомъ норму. Остальные внимательно слушаютъ и записываютъ на бумажкахъ всѣ промахи, всѣ недочеты, всѣ ошибки говорящаго.

Затѣмъ каждый по очереди представляетъ свои замѣчанія, свои поправки, свою критику.

Затѣмъ переходятъ къ слѣдующему вопросу. Эта тренировка продолжается 3, 4 часа подрядъ. Потомъ выбираютъ, съ общаго согласія, вопросы для слѣдующаго раза. Иногда занятія эти ведутся подъ руководствомъ интер-

на. Вотъ какъ употребляютъ свободное время французскіе студенты. Въ-место заботъ объ усовершенствованіи государственнаго режима своей страны, студенты занимаются усовершенствованіемъ своихъ собственныхъ знаній.

Много труда и времени стоитъ эта подготовка. Но, во-первыхъ, она сейчасъ же приноситъ пользу, какъ это мы видимъ и въ *École Pratique* и въ больницѣ, гдѣ нашими отвѣтами всѣ остаются довольны, такъ какъ такая сознательная работа не можетъ не принести результатовъ, а во-вторыхъ, потомъ на практикѣ невозможными станутъ случаи въ родѣ описаннаго Вересаевымъ, когда онъ при опросѣ больныхъ все время перелистывалъ свою книжку, чтобы догадаться, чѣмъ больны его пациенты, или тотъ случай, когда онъ, вернувшись отъ больной, или уже послѣ ея смерти, засѣлъ за свои книги и увидѣлъ, что сдѣлалъ грубѣйшую ошибку. Ошибки этой можетъ и не было бы, если бы почтенный врачъ сначала почиталъ бы свои книжки или, еще лучше, если бы онъ

во время своего пребыванія въ университетѣ прилежнѣе бы занялся изученіемъ медицины. Напрасно только онъ обвиняетъ науку, съ которой онъ совсѣмъ не знакомъ, или учебники, изъ которыхъ онъ ничему не научился.

Я не могу повѣрить, чтобы русскіе профессора, о многихъ изъ которыхъ говорятъ съ уваженіемъ даже за границей, могли писать такіе учебники, изъ которыхъ «студенту нечего вынести». И зачѣмъ на зеркало пенять?! Во всякомъ случаѣ, готовится или нѣтъ студентъ къ конкурснымъ экзаменамъ, ему приходится теперь же, пока онъ дѣлалъ свои стажы и обязательныя работы, приобрѣтать всѣ эти знанія, а не откладывать изученіе это на то время, когда онъ приобрѣтетъ право практики.

Въ мартѣ дисекція смѣняется работами по гистологіи, потомъ по физикѣ, физиологіи, біологической химіи. Занятія эти продолжаются отъ 1—3 или отъ 2—4. Число дозволенныхъ пропусковъ находится въ зависимости отъ продолжительности работъ и оттого, будутъ ли онѣ повторены

на слѣдующихъ курсахъ. Въ остальномъ все остается попережнему: специальная карточка для каждыхъ работъ, переключка или необходимость расписываться въ книгѣ, которую каждый день носятъ въ секретаріатъ, нули за отсутствіе или опозданія, лекція, работа, за исполненіемъ которой строго слѣдятъ и въ которой всегда нужно быть готовымъ дать отчетъ. Въ концѣ каждого курса интерогація; на болѣе продолжительныхъ изъ этихъ курсовъ ихъ бываетъ нѣсколько.

Съ работами по біологической химіи у меня вышла на первомъ курсѣ прелюбопытная исторія. Это было въ концѣ перваго года, когда я еще не вполне пріобрѣла привычки культурнаго человѣка—добросовѣстно относиться къ своему дѣлу. Я съ увлеченіемъ занималась тѣмъ, что мнѣ нравилось, приходила первая, уходила послѣдняя, но не проявляла достаточно интереса къ тому, что не совсѣмъ нравилось мнѣ.

Я пропустила 4 работы по химіи. Работъ всѣхъ было 12, и пропускать больше 3 разъ было нельзя.

Меня предупредили, что работы эти не будутъ мнѣ засчитаны, и посоветовали сейчасъ же записаться въ новую серію и снова ихъ продѣлать, но уже безъ пропусковъ. Я послѣдовала этому совѣту и вновь начала эти работы съ новой серіей студентовъ. Былъ конецъ іюня, жара стояла ужасная, въ химической лабораторіи было жарче, чѣмъ въ аду. Меня возмущала мысль опять продѣлывать то, что я, судя по всему, сдѣлала удовлетворительно, и я рѣшила сдѣлать только 4 пропущенныхъ работы, предполагая, что такимъ образомъ я сдѣлаю все, что отъ меня требовалось.

Я привела свое рѣшеніе въ исполненіе, ни съ кѣмъ не посоветовавшись, и, продѣлавъ только пропущенныя раньше работы, перестала являться въ лабораторію. Осенью, послѣ каникулъ, я пошла въ секретаріатъ брать слѣдующую инскрипцію, чтобы имѣть возможность начать свой стажъ и продолжать обязательныя работы по анатоміи. Но мнѣ отказали въ этомъ, говоря, что получить инскрипцію и право продолжать занятія можно только

въ случаѣ исполненія всѣхъ обязательныхъ работъ, а я не сдѣлала этихъ работъ по химіи. Я стала объяснять, что сдѣлала ихъ всѣ, но въ два приема, т. е. съ двумя различными сериями. На свѣтъ Божій вытащили мое dossier и объяснили мнѣ, что я ни разу не сдѣлала ихъ какъ слѣдовало. Въ одной серіи у меня значилось 4 absences, въ другой 4 présences, почему ни одна серія не могла быть засчитана мнѣ.

Мнѣ сказали, что инскрипцію мнѣ выдадутъ не раньше, чѣмъ я исполню удовлетворительно эти работы. Пока, значитъ, я не могла ходить въ École Pratique продолжать дисекцію, ни начать свой stage obligatoire, такъ какъ для этого требовалось опредѣленное число инскрипцій. Я попросила, чтобы меня немедленно записали на эти работы. Но и это оказалось невозможнымъ. Повторительныя работы для отставшихъ, идущія осенью, уже окончились, о чемъ мнѣ слѣдовало бы знать, если бы я внимательнѣе относилась къ своему дѣлу. Я должна была, сказали мнѣ, слѣдить за тѣмъ, на ка-

кое время были назначены эти работы, такъ какъ не могла же предполагать, что такъ оригинально исполненные работы могутъ быть мнѣ засчитаны.

А я не только рассчитывала на это, но даже была въ этомъ увѣрена, почему и не интересовалась этими осенними работами по химіи. Этого, конечно, съ французскими студентами никогда бы не случилось. Вотъ какъ различно смотреть на свои обязанности люди различныхъ національностей. Я тутъ же дала себѣ клятву никогда больше ничего не пропускать и всегда добросовѣстно относиться ко всему, чего отъ меня требуютъ.

Я не буду перечислять, какъ идутъ занятія на слѣдующихъ курсахъ. Система всюду одна и та же. Всюду отъ студента требуютъ не только присутствія въ стѣнахъ университета, но и работы и строгаго отчета въ ней. Дѣло поставлено такъ, что студентъ находится въ невозможности заниматься чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ науки.

Полная свобода предоставляется студенту брать инскрипціи какъ ему удоб-

нѣе, чтобы имѣть возможность слушать различные необязательные курсы и работы, и посвящать свое время тому или другому предмету, интересующему его. Для того, чтобы быть допущеннымъ къ тому или другому экзамену, студентъ долженъ имѣть определенное для каждаго число инскрипцій, а для этого прослушать и продѣлать всѣ предписанные факультетомъ курсы и работы.

Слѣдовательно, учиться меньше и неудовлетворительно нельзя, а больше и дольше сколько угодно: въ этомъ студентамъ предоставлена полная свобода.

Система эта была выработана французскими профессорами, желавшими имѣть дѣло только со студентами, способными понять то, что имъ говорятъ на лекціяхъ, и основательно подготовленными.

Во Франціи принципъ таковъ, что не профессоръ долженъ опускаться до студентовъ, а они должны возвышаться до пониманія профессорскихъ рѣчей. А для этого, конечно, нужна серьезная работа и серьезная подготовка. Но вѣдь

безъ нея студентъ не можетъ понять и заинтересоваться лекціей, даже если уровень ея будетъ пониженъ. Французская система остроумно и великолѣпно организовала эту необходимую, какъ для студентовъ, такъ и для профессоровъ, подготовку. Кромѣ пользы, студенту эта система ничего не принести и служить еще доказательствомъ, какъ заботливо относится къ нему администрація и какъ интересуется она его успѣхами. Профессору она обеспечиваетъ избранную внимательную аудиторію, способную понять и слѣдить за его словами.

Этихъ результатовъ достигаютъ различными средствами на PCN и въ Ecole de Médecine, какъ мы видимъ. Въ послѣдней лекціи профессоровъ обращены въ *cours libres* для того, чтобы дать возможность и людямъ, уже окончившимъ университетъ, посѣщать ихъ (на нихъ ходятъ не только студенты, но и *aides*, прозектора и т. д.). Собственно же онѣ предназначены для студентовъ, но для студентовъ, обработанныхъ предварительно обязательными курсами, которые идутъ парал-

лельно и которые читаютъ aide профессора, препараторы. На лекціи профессора студентъ можетъ ходить или не ходить, смотря по желанію. И это еще больше возвышаетъ уровень аудиторіи. Профессоръ можетъ быть увѣренъ, что словами его всѣ интересуются. Лѣнтяи же могутъ ограничиться обязательными курсами, на которыхъ они получаютъ необходимую для экзамена подготовку, такъ сказать, помимо своей воли.

На PCN, гдѣ лекціи профессоровъ обязательны, студенты подчинены инымъ порядкамъ (контроль передъ лекціей, тетрадь съ замѣтками и отмѣтки за нихъ).

Я не знаю, какъ обстоитъ дѣло высшаго образованія на другихъ факультетахъ и въ другихъ высшихъ заведеніяхъ Франціи. Но я полагаю, что и тамъ царятъ такіе же порядки для кандидатовъ на государственные дипломы, потому что и тамъ руководствуются принципами принимать лишь лицъ, серьезно желающихъ работать, а выпускать лишь лицъ образованныхъ. Иначе Франція не могла бы

достигнуть во всѣхъ отрасляхъ того превосходства, которому всѣ удивляются, но которое у насъ почему-то считаютъ результатами парламентскаго режима, тогда какъ превосходство это есть плодъ правильного взгляда на высшее образованіе и слѣдствія этого взгляда—правильно поставленной и великолѣпно организованной системы этого образованія.

Меня всегда безгранично удивляла фраза, не разъ слышанная въ Россіи, что «профессора не умѣютъ читать лекцій, что читаютъ они скучно, неинтересно и т. д.». Я не могу понять, какихъ забавъ ищутъ наши студенты на лекціяхъ. Мнѣ кажется, что весь смыслъ этого неудовольствія заключается въ томъ, что русскіе студенты не умѣютъ работать, не хотятъ работать, а требуютъ, чтобы профессоръ разжевалъ и вложилъ имъ въ голову то, что предварительно они должны были выучить сами, и чтобы онъ избавилъ ихъ такимъ образомъ отъ ненавистой работы; они руководствуются ложнымъ принципомъ, равно уни-

зительнымъ какъ для нихъ, такъ и для профессора.

При такихъ требованіяхъ лекціи самыхъ талантливыхъ профессоровъ Парижа не удовлетворили бы нашихъ критиковъ.

Мнѣ кажутся крайне дикими всѣ эти обвиненія въ неталанливости, бездарности и т. д. Гдѣ мѣрило и гдѣ судьи?

Часто талантливые и знаменитые ученые лишены ораторскихъ способностей.

Значить ли это, что изъ ихъ лекцій студенты не могутъ ничего вынести?

Чѣмъ ученіе профессоръ, тѣмъ скучнѣе и неинтереснѣе покажется его лекція непосвященнымъ и неподготовленнымъ. Да и возможно ли отъ профессора, кромѣ знаній, эрудиціи, требовать еще таланта заинтересовать нашихъ забастовщиковъ, убѣжденныхъ враговъ просвѣщенія. Эта брань, наоборотъ, — написанная въ видѣ фамилій на столбцахъ газетъ и считающаяся остроумной у нѣкоторой части публики; эти мѣры, принимаемыя къ прекра-

щенію занятій, достаточно ясно и наглядно показываютъ умственный уровень нашего студенчества. Увы!

Эти студенты 1-го курса, подающіе профессору химіи, какъ это было въ Харьковѣ, требованіе, чтобы онъ прекратилъ чтеніе лекцій, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, не умѣетъ ихъ читать, — явленіе, возможное только въ Россіи!

Профессора всего міра могутъ воскликнуть: — «Избави Богъ и насъ отъ такихъ судей!»

Періодическія повсемѣстныя забастовки, освистываніе неугодныхъ профессоровъ, Харьковскій инцидентъ, Коноваловская эпопея, насилья надъ студентами, желающими продолженія занятій, — всѣ грязныя, скверныя мѣры, принимаемыя къ торжеству забастовокъ, гнусныя инсинуаціи противъ товарищей, желающихъ учиться во что бы-то ни стало, и, наконецъ, финаль всѣхъ этихъ долгихъ безобразій, — всеобщая забастовка и повсемѣстное закрытіе университетовъ — ясно показываютъ, что университеты наши безобразное явленіе; что наша уни-

верситетская система никуда не годится; что наши храмы науки не отвѣчаютъ цѣли, для которой они были созданы, и не стоятъ миллионовъ, которые на нихъ ежегодно выбрасываетъ правительство.

Университеты эти, въ которыхъ одни не желаютъ учиться, другіе хотя и желаютъ, но не могутъ учиться вопреки волѣ и рѣшеніямъ дикой орды,—университеты эти не существуютъ больше. Они закрыты на неопредѣленное время, такъ какъ кому же извѣстно, когда и на какихъ условіяхъ студенты наши соблаговолѣтъ снизойти къ занятіямъ наукой.

Нужно надѣяться, что университеты наши будутъ открыты только послѣ реформы, въ которой они такъ нуждаются.

Нужно надѣяться, что основаніемъ этой реформы послужитъ система, выработанная французскими профессорами и успѣшно функционирующая уже много лѣтъ въ странѣ свободы.

Относительно стремленія нашихъ студентовъ обращать зданія университетовъ въ торжища и устраивать тамъ неприступныя для начальства

цитадели въ видѣ столовыхъ, буфетовъ, я не могу не обратить ихъ вниманія на то, что всѣ эти учрежденія отсутствуютъ во французскихъ университетахъ. Я не знаю, какимъ правиламъ подчинены студенты тѣхъ заведеній, гдѣ имѣются для нихъ интернаты; что же касается до студентовъ медицины, которымъ приходится жить въ больницахъ, какъ напримѣръ интернамъ, или проводить тамъ болѣе или менѣе продолжительное время, то вотъ правила для нихъ.

Въ медицинскомъ отношеніи они подчинены своимъ шефамъ. Въ отношеніи порядка (*sous le rapport administratif et de police interieure*)—директору больницы. Шумныя сборища, нарушающія покой больныхъ или лицъ, находящихся въ больницѣ, безусловно воспрещаются. Директоръ больницы высылаетъ (*fait sortir*) постороннихъ лицъ, которыя нарушаютъ порядокъ или служатъ предлогомъ скандала. Сверхъ того, онъ можетъ воспретить этимъ лицамъ входъ въ зданіе больницы. Право директора имѣть доступъ во всѣ части зданія

распространяется и на жилища, и на другія помѣщенія (salle de garde, столовая), предназначенныя для интерновъ.

Наказанія за проступки бываютъ слѣдующаго рода:

1) предупрежденіе; 2) порицаніе, выраженное директоромъ больницы; 3) порицаніе, выраженное директоромъ de l'Administration de l'Assistance Publique; 4) прекращеніе платы интернамъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; 5) временное или окончательное запрещеніе пользоваться статьёй 6 закона 30 ноября 1892 г. sur l'Exercice de la Médecine, по которой интернъ, имѣющій 12 инскрипцій, и студентъ, окончившій всѣ обязательные курсы и работы, можетъ быть допущенъ во время эпидеміи дѣйствовать въ качествѣ замѣстителя доктора. 6) Запрещеніе исполнять обязанности интерна въ теченіе шести мѣсяцевъ; 7) временное или окончательное запрещеніе принимать участіе во всѣхъ конкурсныхъ экзаменахъ, устраиваемыхъ Administration de l'Assistance Publique. (Слѣдовательно и лишеніе возможности

сдѣлаться chirurgien или médecin des Hôpitaux.) Запрещеніе посѣщать больницу въ теченіе шести мѣсяцевъ. Запрещеніе посѣщать больницу и больничныя зданія (лабораторіи, cours de clinique). Вычеркиваніе изъ числа лицъ, посѣщающихъ больницы.

Всѣ эти наказанія, кромѣ предупрежденія, вносятся въ dossier студента. Всѣ наказанія произносятся совѣтомъ администраціи, послѣ доклада наблюдательнаго совѣта. Совѣтъ администраціи, сверхъ того, можетъ постановить, чтобы рѣшеніе его было опубликовано. Декану медицинскаго факультета посылается увѣдомленіе о наложенныхъ наказаніяхъ.

Безпорядки же на cours libres, куда, кромѣ студентовъ, имѣютъ доступъ и постороннія лица, прекращаются весьма скоро. Сначала она эти cours перестаютъ пускать всѣхъ безъ разбора,—туда допускаютъ только студентовъ. Для этой цѣли всюду, передъ каждымъ входомъ и выходомъ, передъ каждой дверью разставляются garçon'ы, которымъ студентъ долженъ предъявить свою карточку. (На кар-

точкахъ этихъ долженъ быть приклеенъ фотографическій снимокъ студента.) Затѣмъ собравшихся студентовъ предупреждаютъ, что если шумъ и беспорядокъ на лекціи будетъ продолжаться и профессоръ будетъ лишенъ возможности спокойно читать свой cours, то послѣдуетъ закрытіе университета. А это закрытіе влечетъ за собой невозможность экзаменоваться. Такъ какъ студенты, не окончившіе университета къ 27 годамъ или не сдѣлавшіеся къ этому времени интернами, должны отправляться въ свой полкъ отбывать воинскую повинность, то можно себѣ представить, насколько эта мѣра неприятна самимъ студентамъ и насколько невыгодно имъ самимъ закрытіе университета, хотя на самое непродолжительное время.

Закрытіе это влечетъ за собой: 1) невозможность экзаменоваться въ настоящее время; 2) невозможность продолжать обязательные курсы и работы, и, вслѣдствіе этого, невозможность представиться къ экзамену, когда университетъ будетъ открытъ, за неимѣніемъ надлежащаго числа инскрипцій;

3) вестъ за собой къ вынужденному пропуску работъ, то есть къ необходимости ихъ повторить.

Все это вноситъ беспорядокъ въ ученіе и не даетъ возможности достигнуть намѣченной студентами цѣли къ опредѣленному возрасту.

Во Франціи каждый юноша 21 года, будь онъ студентъ или нѣтъ, долженъ отбывать воинскую повинность, и отбываетъ ее. У насъ правительство, въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи юношества и не желая нарушать хода занятій, дало студентамъ возможность отбывать воинскую повинность по окончаніи университета. Во Франціи студенты лишены этой привилегіи. Каждый студентъ 21 года, какъ и всѣ остальные смертные этого возраста, отправляется исполнять эту священную обязанность каждаго гражданина и несетъ ее наравнѣ съ остальными. Для студентовъ только срокъ пребыванія въ полку сокращенъ и ограничивается однимъ годомъ, послѣ котораго ему разрѣшаютъ вернуться въ университетъ продолжать ученіе, а продолженіе отбыванія воинской по-

винности откладывается до окончанія университета.

Тѣ изъ студентовъ, которые окончили университетъ къ 27 годамъ или сдѣлались за это время интернами, пользуются различными привилегіями при этомъ вторичномъ отбываніи воинской повинности. Тѣ же изъ нихъ, которые не окончили университета въ 27 лѣтъ и ничѣмъ не выдѣлились, должны вернуться въ свой полкъ и отбывать воинскую повинность, какъ раньше имъ довелось, безъ привилегій, связанныхъ съ окончаніемъ университета. И только по окончаніи этого срока, полного срока на этотъ разъ, они могутъ вернуться въ университетъ.

Конечно, это въ высшей степени непріятно, но зато вполне логично и справедливо. Поэтому собственная выгода студентовъ заставляеть ихъ не мѣшать правильному функціонированію университетовъ. Вносящіе безпорядокъ не только лишаютъ своихъ товарищей этихъ возможныхъ привилегій, но и прямо отправляютъ ихъ въ солдаты. Надо надѣяться, что мудрое правило этого справедливаго за-

кона о воинской повинности будетъ принято и у насъ, и что наши неучащіеся студенты будутъ лишены привилегій, которыми они такъ незаслуженно пользуются. Надо надѣяться, что они принуждены будутъ исполнять свой долгъ передъ отечествомъ не въ силу наказанія, а во имя Справедливости.

Надо надѣяться, что и французская университетская система будетъ принята у насъ.

Вѣдь намъ, при нашей лѣни, распущенности, равнодушіи, халатности, при нашемъ маломъ знакомствѣ со своими обязанностями и тѣми требованіями, которыя всюду предъявляются къ людямъ образованнымъ, такая система еще болѣе необходима, чѣмъ кому бы то ни было. Надо надѣяться, что и у насъ студентамъ дано будетъ право сходовъ, митинговъ, не въ стѣнахъ университета, разумѣется, а затѣмъ они будутъ поставлены въ такія условія, что имъ для этихъ забавъ и времени не останется.

Необходимость окончить университетъ къ 27 годамъ, т.-е. заявить о

своей пригодности служить отечеству на какомънибудь поприщѣ, чтобы получить право на привилегіи при отбываніи воинской повинности, заставить студентовъ самихъ препятствовать забастовкамъ и способствовать правильному функционированію университетовъ.

Университетская система, т. е. необходимость вторично слушать обязательные курсы, вторично продѣлывать обязательныя работы и вторично платить за нихъ, въ случаѣ пропусковъ и неудовлетворительнаго отношенія къ дѣлу, отзывы, отмѣтки, вносимые въ dossier студента, представляемое при каждомъ экзаменѣ членамъ жюри, допущеніе къ экзамену лишь лицъ, основательно подготовленныхъ, — сдѣлаютъ свое дѣло и заставятъ студентовъ внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и болѣе теперешняго интересоваться своимъ дѣломъ.

Система конкурсныхъ экзаменовъ убѣдитъ студентовъ, что только трудъ и знанія цѣнятся въ университетѣ, и заставитъ ихъ упражняться на этомъ поприщѣ, а не на поприщѣ многогла-

голанья, ничего никому, кромѣ вреда, не приносящаго.

Окончить университетъ и получить государственные дипломы при такомъ режимѣ смогутъ только люди, обладающіе солидными знаніями. При такомъ университетскомъ режимѣ общество можетъ быть увѣрено, что въ университетахъ молодые люди учатся, трудятся надъ приобрѣтеніемъ знаній; что университеты готовятъ серьезныхъ работниковъ; что народныя деньги, о которыхъ столько кричатъ наши фарисеи, не выбрасываются даромъ на содержаніе университетовъ, фабрикующихъ пока въ изобиліи для страны крикуновъ, нисколько ей не нужныхъ.

Желающимъ учиться и дѣйствительно что-нибудь знать такой режимъ ничего, кромѣ пользы и помощи, не принесетъ. Остальнымъ же при такихъ порядкахъ не будетъ мѣста въ университетахъ. Профессора только выиграютъ оттого, что имъ придется имѣть дѣло съ внимательными слушателями, а не съ такими, которые хотятъ учиться шутя чему-нибудь и какъ-нибудь.

Толки о профессорской бездарности прекратятся. А пока откуда же возьмутся талантливые профессора, если студенты не занимаются? Родители будут увѣрены, что дѣти ихъ учатся, а не теряютъ даромъ времени, и что жертвы, ими приносимыя для того, чтобы дать дѣтямъ образованіе, приносятся не вотще. Нужно же, наконецъ, чтобы студенты наши поняли, что въ университетъ люди поступаютъ для того, чтобы учиться и быть полезными слугами своего отечества и своего народа, а не для того, чтобы заниматься критикой профессоровъ и бюрократовъ.

Если наша бюрократія такъ пагубна, такъ неспособна, то кто же въ этомъ виноватъ прежде всего, какъ не сами студенты. Вѣдь нельзя забывать, что бюрократія наша состоитъ изъ представителей нашей же интеллигенціи. Вѣдь не заморская же она у насъ и не съ луны же она къ намъ свалилась. Вѣдь это плоть отъ плоти нашей и кровь отъ крови нашей. И развѣ студенты—эти будущіе бюрократы—и сейчасъ уже не бюрократы?

Вѣдь бюрократъ—это человѣкъ, который не любитъ своего дѣла, не интересуется имъ, не заботится объ улучшеніи и процвѣтаніи ввѣреннаго ему дѣла, но который исполняетъ его какъ тягостную обязанность, пользуясь въ то же время всѣми доступными ему привилегіями. Не таковы ли и наши студенты?

Развѣ не интересуются они всѣмъ, кромѣ своихъ занятій, на которыя они смотрятъ какъ на барщину?

Русскіе, впрочемъ, всегда не любили утруждать себя занятіями и относились скорѣе враждебно къ просвѣщенію. (Я говорю о настоящемъ, а не о его фальсификаціи, имѣющей многочисленныхъ поклонниковъ на Руси.)

Времена Петра Великаго, когда онъ прибѣгалъ къ содѣйствію своей дубинки, чтобы оживить интересъ къ наукамъ среди тогдашнихъ Митрофанушекъ,—прошли. Дубинка вышла изъ моды, а Митрофанушки существуютъ и по сейчасъ,—только стали они много лицемѣрнѣе. Университеты бастуютъ за невозможностью продолжать за-

нѣтя при теперешнихъ тягостныхъ условіяхъ.

Студенты семинаріи подаютъ просвященному петицію, гдѣ они съ трогательной наивностью пишутъ, что они такъ взволнованы, такъ обрадованы Высочайшими Манифестами и Рескриптомъ, что не находятъ въ себѣ ни физическихъ, ни моральныхъ силъ продолжать занятія,—и просятъ освободить ихъ отъ ученія.

Что это такое???

Безграничная дикость? Нелѣпая насмѣшка?

Неужели наши высшія учебныя заведенія только такъ способны отзываться на всѣ событія? Что бы ни случилось, хорошее ли, дурное ли, отвѣтъ одинъ:—«Долой ученіе!» Какой позоръ! И это надежда Россіи? Товарищи, стыдно и больно за васъ.

Передъ такимъ отвращеніемъ къ ученію и въ виду отрицательныхъ результатовъ, которые оно приноситъ, Правительству останется одно,—закрѣпить всѣ высшія учебныя заведенія, и миліоны, ежегодно на нихъ тратимые, употребить на народное образованіе,

на сельскія, агрономическія и техническія училища. Вѣдь во Франціи, на примѣръ, правительство не остановилось передъ тѣмъ, чтобы закрыть школы конгрегацій, несмотря на пресловутую свободу, когда нашло на правленіе ихъ вреднымъ.

И тогда русской молодежи придется идти учиться на Западъ. Но тамъ ее, съ ея дикими нравами и обычаями, ни одно образованное государство не приметъ. Стоитъ только вспомнить скандалы, которые русскіе студенты поднимали нѣсколько лѣтъ назадъ въ Берлинѣ. Теперешнія ограниченія, на правленныя противъ русскихъ студентовъ въ Германіи, могутъ послужить нѣкоторымъ предостереженіемъ.

Надо полагать, что только недостатокъ развитія, вызванный долгимъ систематическимъ ничегонедѣланіемъ, подъ прикрытіемъ фиктивныхъ занятій, заставилъ нашихъ студентовъ сыграть такую постыдную роль во время тяжелыхъ испытаній, переживаемыхъ нашимъ отечествомъ. Въ то время, когда дорогая русская кровь льется рѣкой; когда наступило время

доказать, что мы не стекло, которое разсыпается под ударами тяжкаго молота, какъ доказали это шведамъ наши предки; когда всѣ русскіе должны соединиться и работать, работать безъ конца, чтобы одолѣть врага:—студенты наши бастуютъ! Поведеніе, достойное обскурантовъ XX вѣка!

Я поражена разницей между французскими и русскими студентами. Я видѣла какъ занимается французская молодежь, не думающая въ ослѣпленіи невѣжества, что политика создана для развлеченія безусыхъ юношей, и поставленная, впрочемъ, въ полную невозможность заниматься политикой. И намъ, прежде чѣмъ заимствовать съ Запада разныя нововведенія, разрушающія устои нашего государства, сложившіяся вѣками (нельзя же предполагать, что складывались они шутя или по капризу, и нельзя же предположить, что поколѣнія, создавшія славу, величіе и могущество Россіи, дѣйствовали менѣе сознательно, чѣмъ новѣйшіе самозваные преобразователи изъ Митрофанушекъ, пока лишь успѣвшіе зарекомендовать себя ненавистью къ

просвѣщенію да обструкціей, заимствованной у нѣкихъ четвероногихъ), намъ прежде всего слѣдуетъ поучиться у западныхъ народовъ умѣнню учиться и работать на избранномъ поприщѣ.

И если все у насъ идетъ такъ плохо, то это одно должно заставить студентовъ усерднѣе работать, чтобы лучше потомъ служить своему народу.

Вмѣсто этого, мы видимъ забастовки университетовъ, а вслѣдъ за ними забастовки гимназій.

Скоро у насъ и ребятишки откажутся учить грамоту подъ предлогомъ, что Церковь не отдѣлена отъ государства!

Скоро ли наши передовые гимназисты и студенты начнутъ кричать: «Долой клерикаловъ. A bas la calotte!»

Вѣдь такъ кричитъ Жоресъ! Надо же и намъ показать себя образованными людьми, достойными Европы, и нельзя же намъ отставать отъ передовыхъ вѣяній.

А въ это время японцы, которыхъ еще недавно всѣ русскіе называли макаками, прилагаютъ всѣ усилія, чтобы сломить Россію; не жалѣютъ ни-

чего, ни трудовъ, ни жизней человѣческихъ, ни денегъ; совершаютъ на тяжелыхъ условіяхъ займы; закладываютъ свои національныя богатства, т. е. дѣлаютъ то, къ чему приглашалъ своихъ согражданъ Мининъ.

Что сказалъ бы, что подумалъ бы нашъ великій патріотъ, если бы онъ появился теперь среди своихъ жалкихъ потомковъ? Впрочемъ, это былъ простой, необразованный человѣкъ, и «глубокія» мысли и «высокія» стремленія нашей «образованной» интеллигенціи врядъ ли были бы ему доступны.

Да и самъ онъ показался бы нашимъ студентамъ и некультурнымъ и ретроградомъ и, пожалуй, бюрократомъ. Вѣдь имъ болѣе сродни идеи и міросозерцаніе Смердякова, какъ и большинству нашей полуобразованной интеллигенціи.

Нельзя не пожелать русской молодежи побольше энергіи для пріобрѣтенія знаній, необходимыхъ для роли цензоровъ и контролеровъ Правительства и его мѣропріятій, которую она себѣ такъ незаконно присвоила. Что-

бы имѣть право порицать и требовать, нужно сначала заслужить это право серьезнымъ трудомъ, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и плодотворной работой.

Пока студенты въ университетѣ,— ихъ обязанность учиться, чтобы потомъ честно и успѣшно работать на пользу того народа, о которомъ они столько кричатъ, а пока только безсовѣстно обкрадываютъ.

Чтобы быть достойными слугами своего отечества, своего Царя и своего народа, нужно много знать; а этого можно достигнуть только продолжительнымъ трудомъ, а не бессмысленными забастовками и не занятіями политикой. Только при этомъ условіи жизнь станетъ легче, и народъ, которымъ займутся на дѣлѣ, а не только въ трескучихъ рѣчахъ на политическихъ банкетахъ да сходкахъ, вздохнетъ свободнѣе, и только тогда подыметъ его благосостояніе. Только тогда, когда въ университетахъ нашихъ начнутъ серьезно учиться,—только тогда молодые люди вынесутъ оттуда серьезные знанія, интересъ и любовь къ

своему дѣлу и станутъ полезными членами общества, и только тогда всѣ печальныя явленія, которыя заставляютъ обливаться кровью каждое русское сердце, исчезнуть съ лица Русской Земли.

Поэтому я надѣюсь, что французскій университетскій режимъ будетъ введенъ и въ наши университеты.

И я отъ всей души желаю, чтобы русское общество могло какъ можно скорѣе оцѣнить всѣ достоинства этой удивительной системы.

Студенты же наши не могутъ даже протестовать противъ этихъ порядковъ: 1) потому, что они западные; 2) потому, что студенты для всѣхъ требуютъ контроля и отчета, и не смогутъ противиться, если желаютъ быть логичными, когда отъ нихъ самихъ станутъ требовать отчета въ приобретаемыхъ знаніяхъ, и когда ихъ занятія подвергнуть контролю.

Я была убѣждена, что наши профессора представляютъ проектъ преобразования университетовъ, проектъ реформы на французскій образецъ, надѣялась я. Вѣдь не могутъ же они

не знать о существованіи этой системы. Многихъ изъ нихъ Правительство посылало для усовершенствованія во Францію. Хотя, конечно, нужно учиться во французскихъ университетахъ для того, чтобы оцѣнить всю пользу, приносимую ими студентамъ.

Не могу выразить, до чего я была поражена и разочарована, прочитавши профессорскую резолюцію, постановленную собравшимися въ Петербургѣ профессорами и напечатанную въ № 8748 «Биржевыхъ Вѣдомостей». Неужели они собирались не для обсуждения университетской реформы?

Или бюрократическій духъ и мода интересоваться всѣмъ, кромѣ своего дѣла, охватила всѣхъ, даже ученыхъ, посвятившихъ себя наукѣ?

Въ резолюціи этой есть все: проекты всѣхъ реформъ, необходимыхъ, по мнѣнію нашихъ Платоновъ, нашему Отечеству (кромѣ университетской, впрочемъ), пожеланія, одобренія, порицанія Правительству:—все вплоть до заботъ объ освобожденіи будущихъ выборовъ отъ вмѣшательства Правительства (въ этомъ видно полнѣйшее

незнакомство съ практическимъ примѣненіемъ выборной системы на хваленомъ Западѣ); критика руссификаторской дѣятельности Правительства! и протестъ противъ нея; слезы надъ притѣсненными инородцами (проливаемья, быть можетъ, страха ради іудейска?)—и ни слова, ни одного слова, ни одного проекта объ университетскихъ собственно преобразованіяхъ. Видно, давать уроки Правительству «легче, спокойнѣе и удобнѣе», чѣмъ читать лекціи или приступить къ приведенію въ порядокъ этихъ Авгіевыхъ конюшенъ, именуемыхъ русскими университетами.

Если профессора эти собрались по порученію Правительства для обсуждения университетской реформы, то нужно только удивляться тому, что они такъ легкомысленно и недобросовѣстно отнеслись къ этому важному порученію; за то нельзя удивляться печальному состоянію этихъ университетовъ, объ улучшеніи которыхъ они такъ мало думаютъ.

Если они собрались по собственному вдохновенію, то почему предпола-

гаютъ они имѣть больше успѣха въ роли руководителей Правительства, чѣмъ имѣли до сихъ поръ въ роли руководителей юношества?

Или это emploі имъ болѣе по вкусу?

Или, можетъ быть, эта резолюція была необходима въ подраженіе студенческимъ, босаяцкимъ, адвокатскимъ и прочимъ резолюціямъ?

Единогласно постановивъ такую любопытную резолюцію, профессора, по примѣру прочихъ бюрократовъ, передали вопросъ объ университетской собственно реформѣ въ комиссію и поручили ей составленіе проектовъ по этому поводу.

Да, впрочемъ, на какой же авторитетъ могутъ они претендовать даже въ этомъ вопросѣ, разъ довели они ввѣренные имъ университеты до теперешняго ихъ жалкаго состоянія и разъ не позаботились они заранѣе, уже давно объ улучшеніи и преобразованіи этихъ университетовъ, дающихъ такіе отрицательные результаты.

Итакъ, если профессора стремятся къ законодательной дѣятельности,—за-

*

конодателямъ самимъ придется позаботиться объ оздоровленіи университетовъ.

Чего же тогда удивляться, что эти законодатели сами всѣ реформы обдумываютъ, вырабатываютъ и приводятъ въ исполненіе.

Да и что же имъ остается дѣлать, если, вмѣсто компетентнаго мнѣнія представленныхъ къ дѣлу лицъ, имъ преподносятъ подобныя резолюціи?

